

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 12-014

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ РАЗВЕДКИ

В.С. АНТОНОВ

(год)

ХРАНИТЬ

вечно

ЛЕТ

Гриф секретности снят

Владимир Антонов

Женские судьбы разведки

«ВЕЧЕ»

2012

Антонов В. С.

Женские судьбы разведки / В. С. Антонов — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Гриф секретности снят)

Книга основана на рассекреченных архивных материалах Службы внешней разведки России и посвящена женщинам-разведчицам и агентам, выполнявшим задания внешней разведки органов государственной безопасности. Они действовали в Европе накануне Второй мировой войны и на территории СССР, временно оккупированной гитлеровской Германией, в годы «холодной войны» работали в различных странах мира, добывая важнейшую военно-политическую и экономическую информацию. Мужественные и отважные, умные и решительные, обладающие красотой и женским обаянием – они доказали, что ни в чем не уступают коллегам-мужчинам, а иногда и превосходят их.

© Антонов В. С., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

«Женский фактор» в разведке	6
Глава I	12
Глава II	22
Глава III	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Владимир Антонов

Женские судьбы разведки

© Антонов В.С., 2012

© ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

«Женский фактор» в разведке (Вместо предисловия)

*Женщины-разведчики являются самым
опасным противником, причем их труднее всего изобличить...*

Чарльз Рассел,
американский контрразведчик

О роли в разведке «женского фактора» споры не утихают на протяжении многих лет. Большинство обывателей, далеких от этого вида деятельности, считает, что разведка – не женское дело, что эта профессия – чисто мужская, требующая мужества, самообладания, готовности пойти на риск, принести себя в жертву ради достижения поставленной цели. По их мнению, если женщин и используют в разведке, то исключительно в качестве «медовой ловушки», то есть для соблазнения доверчивых простаков, являющихся носителями важных государственных или военных секретов. Действительно, и сегодня специальные службы ряда государств, в первую очередь Израиля и США, активно используют этот метод для получения секретной информации, однако он взят на вооружение скорее контрразведкой, нежели разведывательными службами этих стран.

В качестве эталона подобной женщины-разведчицы обычно приводят легендарную Мату Хари или звезду французской военной разведки времен Первой мировой войны Марту Ришар. Известно, что последняя являлась любовницей германского военно-морского атташе в Испании майора фон Крона и сумела не только выведать важные секреты военной разведки Германии, но и парализовать деятельность созданной им агентурной сети в этой стране. Тем не менее данный «экзотический» метод использования женщин в разведке является скорее исключением, нежели правилом.

А что думают на этот счет сами разведчики?

Не секрет, что некоторые из профессионалов к женщинам-разведчицам относятся скептически. Как писал в одной из своих работ известный журналист Александр Кондрашов, о непригодности женщин к ведению серьезной разведывательной деятельности говорил даже такой легендарный военный разведчик, как Рихард Зорге. По свидетельству журналиста, Рихард Зорге привлекал женщин-агентов только для вспомогательных целей. При этом он якобы утверждал: «Женщины абсолютно не приспособлены для ведения разведывательной работы. Они слабо разбираются в вопросах высокой политики или военных делах. Даже если вы привлечете их для шпионажа за собственными мужьями, у них не будет реального представления, о чем говорят их мужья. Они слишком эмоциональны, сентиментальны и нереалистичны».

Здесь следует учитывать, что это высказывание выдающийся советский разведчик позволил себе во время суда над ним. Сегодня мы знаем, что в ходе судебного процесса Зорге всеми силами стремился вывести из-под удара своих соратников и помощников, среди которых были и женщины, взять всю вину на себя, представить своих единомышленников невинными жертвами собственной игры. Отсюда – его стремление принизить роль женщин в разведке, ограничить ее решением лишь вспомогательных задач, показать неспособность «прекрасного пола» к самостоятельной работе. Зорге хорошо знал менталитет японцев, считающих женщин существами «второго сорта». Поэтому точка зрения советского разведчика была понятна японскому правосудию, и это спасло жизни его помощникам.

Среди сотрудников внешней разведки выражение «разведчиками не рождаются, ими становятся» воспринимается как истина, не требующая доказательств. Просто в какой-то момент

разведке, исходя из возникших или порученных задач, требуется конкретный человек, пользующийся особым доверием, обладающий определенными личными и деловыми качествами, профессиональной ориентацией и необходимым жизненным опытом для того, чтобы направить его на работу в конкретный регион земного шара.

Разными путями женщины приходят в разведку. Но выбор их в качестве оперативных работников или агентов, конечно же, не бывает случайным. Особенно тщательно осуществляется отбор женщин на нелегальную работу. Ведь офицеру нелегальной разведки мало хорошо владеть иностранными языками и основами разведывательного искусства. Он должен уметь вжиться в роль, быть своего рода артистом, чтобы сегодня, например, выдавать себя за аристократа, а завтра – за священника. Стоит ли говорить о том, что большинство женщин владеет искусством перевоплощения лучше, чем мужчины?

К тем из разведчиц, кому довелось работать в нелегальных условиях за рубежом, всегда предъявлялись повышенные требования также с точки зрения выдержки и психологической выносливости. Ведь женщинам-нелегалам приходится долгие годы жить вдали от Родины, и даже организация обычной поездки в отпуск требует всесторонней и глубокой проработки, с тем чтобы исключить возможность провала. К тому же не всегда женщина – сотрудник нелегальной разведки может общаться только с теми людьми, которые ей по душе. Зачастую дело обстоит как раз наоборот, и надо уметь владеть своими чувствами, что для женщины непростая задача.

Замечательная советская разведчица-нелегал, более двадцати лет проработавшая в особых условиях за границей, Галина Ивановна Федорова рассказывала в этой связи:

«Некоторые полагают, что разведка – не самая подходящая деятельность для женщины. В противоположность “сильному полу” она более чувствительна, хрупка, легко ранима, теснее привязана к семье, домашнему очагу, сильнее предрасположена к ностальгии. Самой природой ей предназначено быть матерью, поэтому отсутствие детей или длительная разлука с ними переживаются ею особенно тяжело. Все это так, но те же “маленькие слабости” женщины дают ей мощные рычаги воздействия в сфере человеческих взаимоотношений».

Предвоенный период и Вторая мировая война, принесшая неслыханные беды человечеству, в корне изменили подход к разведке вообще и к роли в ней «женского фактора», в частности. Большинство людей доброй воли в Европе, Азии и Америке остро осознали опасность, которую несет нацизм всему человечеству. В суровые годы военного лихолетья сотни честных людей разных стран добровольно связали свою судьбу с деятельностью внешней разведки нашей страны, выполняя ее задания в различных уголках мира. Яркие страницы в летопись героических свершений советской внешней разведки вписали и женщины-разведчицы, действовавшие в Европе накануне войны и на территории Советского Союза, временно оккупированной гитлеровской Германией.

Годы военного лихолетья свидетельствуют, что женщины способны не хуже мужчин выполнять важнейшие разведывательные задания. Так, накануне войны резидент советской нелегальной разведки в Берлине Федор Парпаров поддерживал оперативную связь с источником «Мартой» – женой видного германского дипломата. От нее регулярно поступала информация о переговорах германского МИДа с британскими и французскими представителями. Из них следовало, что Лондон и Париж больше заботили вопросы борьбы с коммунизмом, нежели организация коллективной безопасности в Европе и отпор фашистской агрессии.

От «Марты» были получены также сведения об агенте германской разведки в Генштабе Чехословакии, регулярно снабжавшем Берлин совершенно секретными сведениями о состоянии и боеготовности чехословацких вооруженных сил. Благодаря этим данным советская разведка предприняла меры по его компрометации и аресту чешскими органами безопасности.

Одновременно с Парпаровым в предвоенные годы в самом сердце Германии, в Берлине, работали и другие советские разведчики. Среди них была Ильзе Штёбе («Альта»), журналистка, на связи у которой находился немецкий дипломат Рудольф фон Шелия («Ариец»). От него в Москву шли важные сообщения с предупреждениями о предстоящем нападении Германии.

Еще в феврале 1941 года «Альта» сообщила о формировании трех групп армий под командованием маршалов Бока, Рундштедта и Лееба и направлении их главных ударов на Ленинград, Москву и Киев.

«Альта» была убежденной антифашисткой и считала, что только СССР сможет сокрушить фашизм. В начале 1943 года «Альта» и ее помощник «Ариец» были арестованы гестаповцами и казнены вместе с участниками «Красной капеллы».

Елизавета Зарубина, Леонтина Коэн, Елена Модржинская, Китти Харрис, Зоя Воскресенская-Рыбкина работали на советскую разведку накануне и в ходе войны, выполняли ее задания порой с риском для жизни. Ими двигало чувство долга и настоящего патриотизма, стремление оградить мир от гитлеровской агрессии.

Важнейшая информация в ходе войны поступала не только из-за рубежа. Она постоянно шла и от многочисленных разведывательных групп, действовавших поблизости или вдали от линии фронта на временно оккупированной территории.

Читателям хорошо известно имя Зои Космодемьянской, чья величественная смерть стала символом мужества. Семнадцатилетняя «Таня» – боец-разведчица группы специального назначения, входившей в состав фронтовой разведки, стала первой из восьмидесяти шести женщин – Героев Советского Союза военного периода.

Немеркнувшие страницы в историю разведки нашей страны вписали и женщины-разведчицы из отряда специального назначения «Победители» под командованием Дмитрия Медведева, действовавшей в Одессе оперативной разведывательно-диверсионной группы Владимира Молодцова и многих других боевых подразделений 4-го управления НКВД, добывавшие в годы войны важную стратегическую информацию.

Скромная девушка из Ржева Паша Савельева сумела получить и переправить в свой отряд образец химического оружия, которое гитлеровское командование намеревалось использовать против Красной армии. Схваченная гитлеровскими карателями, она подверглась чудовищным пыткам в гестаповских застенках украинского города Луцка. Ее мужеству и самообладанию могут позавидовать даже мужчины: несмотря на зверские избиения, девушка не выдала своих товарищей по отряду. Утром 12 января 1944 года Паша Савельева была заживо сожжена во дворе луцкой тюрьмы. Однако смерть ее не была напрасной: полученные разведчицей сведения были доложены Сталину. Союзники Кремля по антигитлеровской коалиции серьезно предупредили Берлин, что в случае использования Германией химического оружия неотвратимо последует возмездие. Так, благодаря подвигу разведчицы, была предотвращена химическая атака немцев против наших войск.

Разведчица отряда «Победители» Лидия Лисовская была ближайшей помощницей Николая Ивановича Кузнецова. Работая официанткой в казино хозяйственного штаба оккупационных войск на Украине, она помогала Кузнецову завязывать знакомства с немецкими офицерами и собирать информацию о высокопоставленных фашистских чиновниках в Ровно.

Лисовская привлекла к разведывательной работе свою двоюродную сестру Марию Микоту, которая по заданию Центра стала агентом гестапо и информировала партизан о всех карательных рейдах немцев. Через Микоту Кузнецов познакомился с офицером СС фон Ортелем, входившим в команду известного немецкого диверсанта Отто Скорцени. Именно от Ортеля советский разведчик впервые получил информацию о том, что немцы готовят диверсионную акцию во время встречи глав СССР, США и Великобритании в Тегеране.

Осенью 1943 года Лисовская по заданию Кузнецова устроилась экономкой к командующему восточными армиями особого назначения генерал-майору Ильгену. 15 ноября 1943 года при непосредственном участии Лидии была проведена операция по похищению генерала Ильгена и переправке его в отряд.

Военное лихолетье, из которого Советский Союз вышел с честью, сменилось долгими годами «холодной войны». Соединенные Штаты Америки, имевшие монополию на атомное оружие, не скрывали своих имперских планов и устремлений уничтожить Советский Союз и все его население с помощью этого смертоносного оружия. Атомную войну против нашей страны военщина Пентагона планировала развязать в 1957 году. Потребовались невероятные усилия со стороны всего нашего народа, едва оправившегося от чудовищных ран Великой Отечественной войны, напряжение всех его сил, чтобы сорвать планы США и НАТО. Но для принятия верных решений политическое руководство СССР нуждалось в достоверной информации о реальных планах и замыслах американской военщины. Важную роль в получении секретных документов Пентагона сыграли в том числе и женщины-разведчицы. Среди них – Ирина Алимova, Галина Федорова, Елена Косова, Анна Филоненко, Елена Чебурашкина и многие другие.

Годы «холодной войны» канули в Лету, сегодняшний мир стал более безопасным, чем пятьдесят лет назад, и важная роль в этом принадлежит внешней разведке. Изменившаяся военно-политическая ситуация на планете привела к тому, что нынче женщины меньше используются на оперативной работе непосредственно «в поле». Исключением здесь, пожалуй, опять-таки являются израильская разведка «Моссад» и американское ЦРУ. В последнем женщины не просто выполняют функции «полевых» оперативных работников, но даже возглавляют разведывательные коллективы за рубежом.

Наступивший XXI век безусловно явится веком торжества равноправия между мужчинами и женщинами даже в такой специфической сфере человеческой деятельности, как разведывательная и контрразведывательная работа. Примером этому являются спецслужбы такой консервативной страны, как Англия.

Так, в книге «Разведчицы и шпионы» приводятся следующие сведения, посвященные «элегантной агентуре» английских спецслужб:

«Более 40 процентов сотрудников разведки МИ-6 и контрразведки МИ-5 Великобритании – женщины. Помимо Стеллы Римингтон, до недавнего времени возглавлявшей службу МИ-5, руководителями четырех из двенадцати отделов контрразведки также являются женщины. В беседе с членами британского парламента С. Римингтон заявила, что в сложных ситуациях женщины зачастую оказываются более решительными и при выполнении спецзаданий в меньшей степени подвержены сомнениям и угрызням совести за содеянное по сравнению с мужчинами.

По мнению англичан, наиболее перспективным является использование женщин в мероприятиях по вербовке агентуры мужского пола, а увеличение женского персонала среди оперсостава в целом приведет к повышению эффективности оперативной деятельности.

Приток женщин на работу в спецслужбы во многом объясняется возросшим за последнее время количеством сотрудников-мужчин, желающих оставить службу и заняться бизнесом. В этой связи стал активнее проводиться поиск и отбор кандидатов для работы в британских спецслужбах среди студенток ведущих университетов страны».

Иной искушенный читатель, вероятно, может сказать: «США и Англия – это благополучные страны, они могут позволить себе роскошь привлекать женщин для работы в спецслужбах даже в роли “полевых игроков”». Что же касается разведки Израиля, то она активно использует в своей работе тот исторический факт, что женщины всегда играли и играют большую роль в жизни еврейской общины любой страны мира. Эти страны – нам не указ». Однако он ошибется.

Так, в начале 2001 года министром по делам всех спецслужб Южно-Африканской Республики стала Линдыве Сисулу. Ей было 47 лет, и в спецслужбах она не была новичком. В конце 1970-х, когда партия «Африканский национальный конгресс» находилась еще в подполье, она прошла специальную подготовку в военной организации АНК «Умконто весизве» («Копье народа») и специализировалась на разведке и контрразведке. В 1992 году возглавила отдел безопасности АНК. Когда в ЮАР был создан объединенный с белым меньшинством парламент, возглавляла в нем комитет по разведке и контрразведке. С середины 1990-х годов работала заместителем министра внутренних дел. По имеющимся сведениям, под ее начало перешло и считавшееся ранее независимым Национальное разведывательное агентство.

Почему приветствуется служба женщин в разведке? Специалисты сходятся на том, что женщина более наблюдательна, у нее сильнее развита интуиция, она любит «копаться» в подробностях, а в них, как известно, «кроется сам дьявол». Женщины усидчивее, терпеливее, методичнее, нежели мужчины. А если к этим качествам добавить и их внешние данные, то любой скептик будет вынужден признать, что женщины по праву занимают достойное место в рядах разведслужб любой страны, являясь их украшением. Порой женщинам-разведчицам поручается проведение операций, связанных, в частности, с организацией встреч с агентурой в тех районах, где появление мужчин, исходя из местных условий, крайне нежелательно.

Сочетание же лучших психологических качеств как мужчин, так и женщин, ведущих разведку за рубежом, особенно с нелегальных позиций, является сильной стороной любой разведслужбы мира. Недаром такие разведывательные «танделы», как Леонтина и Моррис Коэн, Гоар и Геворк Вартанян, Анна и Михаил Филоненко, Галина и Михаил Федоровы и многие другие – известные и неизвестные широкой общественности, – вписаны золотыми буквами в историю внешней разведки нашей страны.

На вопрос, какими главными качествами должна, по ее мнению, обладать разведчица, одна из ветеранов внешней разведки Зинаида Николаевна Батраева ответила: «Отличной физической подготовкой, способностями к изучению иностранных языков и умением общаться с людьми».

И сегодня даже, к сожалению, довольно редкие публикации в средствах массовой информации, посвященные деятельности женщин-разведчиц, убедительно свидетельствуют о том, что и в этой специфической сфере человеческой деятельности представительницы «прекрасного пола» ни в чем не уступают мужчинам, а кое в чем и превосходят их. Как учит история разведывательных служб мира, женщина великолепно справляется со своей ролью, являясь достойным и грозным противником мужчины в том, что касается проникновения в чужие тайны.

И в заключение приведем выдержки из лекций одного из ведущих в свое время американских контрразведчиков Чарльза Рассела, прочитанных им зимой 1924 года в Нью-Йорке на сборах офицеров разведки армии США. С той поры прошло почти 88 лет, но его советы актуальны для сотрудников спецслужб любой страны и по сей день.

Совет контрразведчикам:

«Женщины-разведчицы являются самым опасным противником, причем их всего труднее изобличить. При встрече с подобными женщинами вы не должны позволять симпатии или антипатии влиять на ваше решение. Такая слабость может иметь для вас роковые последствия».

Совет разведчикам:

«Избегайте женщин. С помощью женщин было поймано много хороших разведчиков. Не доверяйте женщинам, когда вы работаете на территории противника. Имея дело с женщинами, никогда не забывайте играть взятую на себя роль».

Один француз, бежавший из германского концентрационного лагеря, остановился в кафе вблизи швейцарской границы, ожидая наступления ночи. Когда официантка подала ему меню, он поблагодарил, что ее очень удивило. Когда она принесла ему пиво и еду, он снова поблагодарил ее. Пока он ел, официантка позвала сотрудника германской контрразведки, потому что, как она говорила впоследствии, такой вежливый человек не мог быть немцем. Француз был арестован».

Основное правило поведения разведчика:

«Остерегайтесь женщин! История знает много случаев, когда женщины способствовали поимке разведчиков-мужчин. Вы должны обращать внимание на женщину только в том случае, когда подозреваете, что она является агентом службы разведки или контрразведки противника, и то лишь при уверенности, что вполне владеете собой».

Глава I

«Русский жаворонок» ОГПУ

В 1940 году во французской каторжной тюрьме города Ренн скончалась при невыясненных обстоятельствах русская эмигрантка, знаменитая певица Надежда Плевицкая, чьим голосом восхищались Леонид Собинов, Федор Шаляпин и даже сам император России Николай II, чья семья дружила с этой простой русской девушкой.

Скончалась она в тюрьме после того, как двумя годами раньше «гуманное» французское правосудие приговорило ее к 20 годам каторжных работ за соучастие в похищении генерала Миллера, руководителя Русского общевойскового союза (РОВС). На суде Надежда Плевицкая виновной себя не признала. Чтобы доказать обратное, французская контрразведка даже пошла на тайную запись с помощью скрытых микрофонов ее предсмертной исповеди у православного священника. Однако и это не принесло желаемых результатов.

Надежда Плевицкая (девичья фамилия – Винникова) родилась 17 января 1884 года в селе Винниково Курской губернии в многодетной крестьянской семье.

В книге воспоминаний «Дежкин карагод» («Надеждин хоровод»), вышедшей мизерным тиражом в Берлине в 1925 году, Плевицкая так рассказывала о своем детстве:

«Семеро было нас: отец, мать, брат да четыре сестры. Всех детей у родителей было двенадцать, я родилась двенадцатой и последней, а осталось нас пятеро, прочие волей Божьей померли.

Жили мы дружно, и слово родителей для нас было законом. Если же, не дай Бог, кто “закон” осмелится обойти, то было и наказание: из кучи дров выбиралась отцом-матерью палка потолще со словами: “Отваляю, по чем ни попало”.

А вот и преступления наши: родители не разрешали долго загуливаться. “Чтобы засветло дома были”, – наказывала мать, отпуская сестер на улицу, потому что “хорошая слава в коробе лежит, а дурная по дорожке бежит”. Вот той славы, что “по дорожке бежит”, мать и боялась.

У моего отца было семь десятин пахоты. На семью в семь человек – это немного, но родители мои были хозяева крепкие, и при хорошем урожае и у нас были достатки. Бывало зайдешь в амбар: закрома полны, пшено, крупы, на балках висят копченые гуси, окорока, в бочках солонина и сало. А в погребе – кадки капусты, огурцов, яблок, груш. Спокойна душа хозяйская, все тяжким трудом приобретено, зато благодать: зимой семья благоденствует. Мать усердно гоняла нас в лес: дикие яблоки для сушки возами возились, мешками таскали орехи, которые припрятывали до Рождества».

Петь Надежда начала с детства, подражая старшей сестре Татьяне. Ее голосом заслушивались окружающие.

Однако вскоре отец девушки Василий Винников умер, и семья познала нужду. Надежда вынуждена была работать поденщицей: стирала белье, зарабатывая себе на пропитание. Через некоторое время после смерти отца мать отвезла ее в Троицкий девичий монастырь, поскольку в то время земля делилась только между сыновьями покойного родителя, а идти в батрачки Надежда не захотела. Но в монастыре Надежда долго не задержалась: ее душа требовала песни. Из Троицкого монастыря она уехала в Киев, чтобы попытать счастья на эстраде. Желание стать певицей привело Надежду в хор А. Липкиной. После испытания она была принята ученицей. Надежде положили восемнадцать рублей жалования в месяц на всем готовом. Тогда она еще практически не умела ни читать, ни писать, поскольку после смерти отца денег на учебу не было.

Из воспоминаний Надежды Плевицкой:

«В хоре все певцы были женатыми, и делился хор на семейных, на учениц и хористок и на дам, располагавших собой, как им заблагорассудится. Семейные выносили всю тяжесть программы. Это были потомственные и почетные труженики эстрады, они выступали по несколько раз в вечер. Учениц в хоре было шесть, все подростки, в их числе и я. Нас обучали для капеллы и держали в ежовых рукавицах: девчонок никуда не пускали самостоятельно по городу.

Я теперь вижу, что лукавая жизнь угораздила меня прыгать необычно: из деревни в монастырь, из монастыря в шантан. Но разве меня тянуло туда чувство дурное? Когда шла в монастырь, желала правды чистой, но почувала там, что совершенной чистоты-правды нет. Душа взбунтовалась и кинулась прочь.

Балаган сверкнул внезапным блеском, и почувала душа правду иную, высшую правду – красоту, пусть маленькую, неказистую, убогую, но для меня новую и невиданную.

Вот и шантан. Видела я там хорошее и дурное, бывало мутно и тяжело душе, – ох как, – но “прыгать”-то было некуда. Я ведь еле умела читать и писать, учиться не на что. А тут петь учили...

Вспоминаю, как приехал к нам хор Славянского.

Я тогда ходила, как потерянная, замороженная и, слушая его, стала гордиться, что и я русская. А сам Славянский казался мне славным богатырем из древних бывальщин, которые мне сказывали в детстве.

Русская песня – простор русских небес, тоска степей, удаль ветра. Русская песня не знает рабства. Заставьте русскую душу излагать свои чувства по четвертям, тогда ей удержу нет. И нет такого музыканта, который мог бы записать музыку русской души; нотной бумаги, нотных знаков не хватит. Несметные сокровища там таятся – только ключ знать, чтобы отворить сокровищницу».

В хоре Надежда упорно овладевала эстрадным искусством, исполняя русские народные песни. Выступала она под сценическим псевдонимом Плевицкая. Ее уникальный голос привлек внимание публики, и директор знаменитого в ту пору московского ресторана «Яр» Судаков предложил ей подписать ангажемент. После долгих колебаний Надежда согласилась. Купеческий «Яр» имел свои традиции и обычаи, которые нарушать никому не полагалось. В частности, певицы не должны были выходить на сцену в большом декольте. Чинный и строгий Судаков, беседуя с Плевицкой, предупредил ее: «К “Яру” московские купцы возят своих жен, и боже сохрани допустить какое-либо неприличие».

Первый дебют Плевицкой был удачен, москвичам она понравилась. Певице было предложено возобновить контракт с «Яром» на зиму 1909 года. А осенью следующего года Плевицкая, ставшая уже известной, подписала выгодный контракт с Нижегородской ярмаркой. Там на ее талант обратил внимание знаменитый певец Леонид Собинов, который предложил ей выступить вместе с ним на благотворительном концерте в Нижегородском оперном театре. Выступление певицы на большой сцене было успешным, и Собинов посоветовал ей заняться самостоятельной концертной деятельностью. Здесь ее ожидал оглушительный успех. Выступавшая с исполнением русских народных песен Плевицкая быстро стала знаменитой. Ее имя называли в одном ряду с Федором Шаляпиным, который высоко ценил талант певицы и называл ее «русским жаворонком».

Надежда Плевицкая стала часто выступать в высшем свете. На нее обратила внимание и царская семья. В Царскосельском дворце бывшая прачка исполняла русские песни перед государем Николаем II и его приближенными. Как рассказывали очевидцы, последний император Всероссийский, слушая их, низко опускал голову и плакал. В знак благодарности Николай II подарил знаменитой певице драгоценный перстень со своей руки. Царя и его семью Плевицка боготворила, Николая II называла «мой хозяин и батюшка».

С началом Первой мировой войны Надежда Плевицкая, чья слава гремела по всей России, выезжает с концертной бригадой в действующую армию. Она становится сиделкой в военном госпитале в Ковно, поет для раненых в лазаретах, а порой и перед солдатами на передовой.

После Октябрьской революции Надежда Плевицкая осталась в Москве: крестьянская дочь, она не помышляла об эмиграции, тем более что за границей ее никто не ждал, капиталов в банках не было. Находясь на стороне красных, она говорила в своем окружении, что с одинаковым чувством может спеть и «Боже, царя храни» и «Смело мы в бой пойдем», все зависит от аудитории.

В первые годы Гражданской войны Плевицкая неоднократно выезжала на фронт, давая концерты перед красноармейцами. Во время одной из таких поездок в сентябре 1919 года она попала в плен к белым под родным Курском. Здесь Надежда встретила молодого командира Корниловского полка, тогда еще полковника, Николая Скоблина, чьи военнослужащие пленили певицу.

Наша справка:

Николай Владимирович Скоблин родился в 1893 году в Нежине. Окончил кадетский корпус. В 1914 году окончил военное училище и в чине прапорщика участвовал в Первой мировой войне. За храбрость и боевые заслуги был награжден орденом Святого Георгия.

В 1917 году, будучи штабс-капитаном, вступил добровольцем в ударный батальон. Затем командовал Корниловским полком, одним из четырех полков Добровольческой армии, которые были укомплектованы только офицерами. Не имея высшего военного образования, к концу Гражданской войны дослужился в рядах Белой армии до командира Корниловской дивизии и звания генерал-майора (1920 год).

Скоблин влюбился в Плевицкую и предложил ей выйти за него замуж. Певица согласилась. Так Надежда стала женой генерала Скоблина, с которым связала свою дальнейшую жизнь. Плевицкая была старше Скоблина на девять лет, но это не помешало им долгие годы оставаться любящей и верной парой.

Гражданская война закончилась поражением белых. В 1920 году генерал Врангель с остатками своей армии бежал из Крыма в Турцию. Вместе с ним в эмиграции оказались генерал Скоблин с Надеждой Плевицкой, а также сотни тысяч бывших русских офицеров и солдат.

Плевицкая и ее муж были отправлены в лагерь для перемещенных лиц, который находился на полуострове Галлиполи под Стамбулом. По воспоминаниям певца Александра Вертинского, Плевицкая и Скоблин со времен Галлиполи дружили с семьями генералов Кутепова и Миллера.

Один из бывших офицеров Добровольческой армии, Дмитрий Мейснер, вспоминая о пребывании в галлиполийском лагере, рассказывал:

«В счастливые для нас минуты мы заслушивались песнями Надежды Васильевны Плевицкой, щедро раздававшей тогда окружающим ее молодым воинам блестящие своего несравненного таланта. Эта удивительная певица, исполнительница русских народных песен, тогда только начинавшая немного увядать, высокая стройная женщина была кумиром русской галлиполийской военной молодежи. Ее и буквально, и в переносном смысле носили на руках. Она была женой одного из наиболее боевых генералов Белой армии».

Значительная часть рядового и офицерского состава Русской армии за границей оказалась на положении беженцев. В армейской среде зародилось движение за возвращение на Родину, которое усилилось после принятия ВЦИК СССР 7 ноября 1921 года Декрета об амнистии. 6 мая 1922 года русская эмиграция за рубежом создала специальную организацию «Союз возвращения на Родину» (Совнарод). Оказавшись против своей воли в эмиграции, Надежда Плевицкая убеждала мужа последовать примеру его соратников, в частности, генерала Слащева, возвратившегося в Россию и ставшего преподавателем Военной академии. Она подчеркивала, что как русская народная певица может легко устроиться у красных и даже «продви-

нуть своего мужа по службе». Однако в тот момент Николай Скоблин согласия на возвращение не дал. Он оставался на положении почетного командира Корниловского полка, большинство офицеров которого проживало во Франции.

Небольшое отступление по поводу:

О Надежде Васильевне тепло, с большой любовью вспоминали многие великие русские артисты. Леонид Собинов подчеркивал, что «Плевицкая является ярким талантом-самородком». Перед ее талантом преклонялись Александр Вертинский и Федор Шаляпин. Сергей Рахманинов с удовольствием аккомпанировал певице, с ее голоса он записал одну из народных песен, обработал, оркестровал и включил в свой цикл песен для хора и оркестра. В доме Плевицкой и ее мужа висели два портрета с дарственными надписями: «Моему родному Жаворонку, Надежде Васильевне Плевицкой, сердечно любящий ее Федор Шаляпин». И – «Здоровья, счастья, успеха дорогой Надежде Васильевне. С. Рахманинов».

Особенно тепло написал о Н.В. Плевицкой А.И. Куприн: «И как любят Плевицкую! Она своя, она родственница, она домашняя, она – вся русская. Единственно, кого можно поставить рядом с Плевицкой – это Шаляпин. Оба самородки, и на обоих милость Божия».

Следует отметить, что Надежда Васильевна была первой в плеяде русских певиц – «народниц». И не случайно, что репертуар любимой советским народом Лидии Андреевны Руслановой более чем на треть состоял из песен, сценическую жизнь которым дала Надежда Васильевна Плевицкая.

* * *

Находясь за рубежом, Плевицкая не прекращала концертную деятельность, выступала в Болгарии, Прибалтике, Польше, Германии. Ее песни слушали в Праге, Брюсселе, Париже и других европейских столицах, где проживали русские эмигранты. И везде ее неизменно сопровождал Скоблин.

В 1926 году певица совершила турне по Америке. В октябре она дала в Нью-Йорке серию концертов, на которые пригласила служащих советского представительства Амторга – государственной торговой организации, одновременно выполнявшей консульские функции. Этот шаг знаменитой певицы вызвал замешательство в рядах белой эмиграции. В ответ на нападки эмигрантской прессы Плевицкая заявила журналистам: «Я артистка и пою для всех. Я вне политики».

В результате разразившегося скандала руководитель Русского общевойскаского союза (РОВС) генерал Врангель 9 февраля 1927 года отдал приказ об освобождении генерала Скоблина от командования Корниловским полком. Скоблин остался без дела и средств к существованию. Впрочем, его опала длилась недолго, и в том же 1927 году он снова вернулся в Корниловский полк.

Вначале Скоблин и Плевицкая обосновались в Париже. Певец Александр Вертинский, проживавший в то время во французской столице, сразу обратил внимание на эту супружескую пару. Он вспоминал:

«В русском ресторане “Большой Московский Эрмитаж” в Париже пела и Надежда Плевицкая. Каждый вечер ее привозил и увозил на маленькой машине тоже маленький генерал Скоблин. Ничем особенным он не отличался. Довольно скромный и даже застенчивый, он скорее выглядел забитым мужем у такой энергичной и волевой женщины, как Плевицкая».

Эмигрантская жизнь у супругов не очень ладилась. Они перебрались в парижский пригород Озуар-ле-Ферьер. Одновременно взяли в аренду большой участок земли с виноградником неподалеку от Ниццы. Однако в результате неурожая винограда быстро разорились. В Озуар-ле-Ферьер супруги жили в доме, купленном в рассрочку на десять лет, за который еже-

месячно выплачивали по 800 франков. В то время это были большие деньги, и Надежде Плевицкой, чтобы заработать, приходилось часто выезжать на гастроли в европейские города, где проживали русские эмигранты. Однако денег все равно не хватало. Кроме того, «аристократическая Россия», нашедшая приют во Франции, считала брак Скоблина с «мужичкой» Плевицкой мезальянсом. Бывшие титулованные особы, ставшие в Париже таксистами, официантами и содержателями публичных домов, любили слушать ее песни, однако в свой круг не допускали.

Плевицкая и ее муж попали в поле зрения советской разведки, которой было хорошо известно положение Скоблина в РОВС. Внешняя разведка органов государственной безопасности – Иностранный отдел ОГПУ – активно разрабатывала русскую вооруженную эмиграцию, в том числе созданный в 1924 году Русский общевоинский союз. Он числился среди главных объектов проникновения Иностранного отдела, который имел в нем свою агентуру.

Писатель и историк Леонид Млечин по этому поводу писал:

«Русский общевоинский союз Москва считала источником постоянной опасности. Агентурные данные свидетельствовали: стратегическая цель руководства РОВС – вооруженное выступление против советской власти. Конечно, в конце 1920-х – начале 1930-х годов рассеянные по Европе остатки Добровольческой армии лишь с большой натяжкой можно было рассматривать как непосредственную угрозу для страны. Но в Москве по-прежнему полагали, что в случае войны в Европе противник (или противники) Советского Союза неминуемо призовут под свои знамена и полки бывшей Добровольческой армии. Тем более что структура ее сохранилась и в эмиграции. Офицеры считали себя находящимися на военной службе, проходили переподготовку, изучали боевые возможности Красной армии.

В конце 1920-х годов руководство РОВС начало широко организовывать террористические акты внутри Советского Союза. Оружие, взрывчатка и другое снаряжение забрасывалось через границу, чаще всего советско-финляндскую, или морским путем. Подготовкой террористических групп занимались отделения РОВС в Париже, Бухаресте, Софии и Белграде. Этим группам оказывали помощь 2-й отдел Генштаба французской армии, польская дефензива, румынская сигуранца, финская контрразведка, получая от РОВС в качестве платы информацию о ситуации в СССР».

По заданию советской внешней разведки 2 сентября 1930 года для встречи со Скоблиным в Париж прибыл его однополчанин Петр Ковальский, воевавший вместе с генералом в Добровольческой армии. Ковальский работал на Иностранный отдел ОГПУ и имел оперативный псевдоним «Сильвестров».

Скоблин обрадовался встрече с бывшим однополчанином и познакомил его с Плевицкой. Посетив несколько раз супругов в их доме, «Сильвестров» убедился в том, что Скоблин полностью находится под влиянием жены, и принял решение привлечь их обоих к сотрудничеству с советской разведкой. В ходе беседы с генералом он передал Скоблину письмо от его старшего брата, который проживал в Советской России, и от имени Генерального штаба Красной армии предложил генералу возвратиться на Родину, гарантировав ему хорошую должность в штабе.

Однако на первой беседе Скоблин не был готов к такому повороту событий и сказал, что должен посоветоваться с женой. «Сильвестров» решил действовать через Плевицкую. В беседе с ней он сказал, что ее на Родине хорошо знают и помнят как выдающуюся певицу и в случае возвращения хорошо к ней отнесутся. Что же касается ее мужа, то он для России не враг и может вернуться домой в любое время. Если Скоблин согласится служить Советской России, то его безопасность будет гарантирована. Плевицкая с интересом отнеслась к предложению «Сильвестрова» и обещала повлиять на мужа.

Вскоре Николай Скоблин дал письменное согласие работать на советскую внешнюю разведку. Он написал заявление на имя ЦИК СССР следующего содержания:

«Двенадцать лет нахождения в активной борьбе против Советской власти показали мне печальную ошибочность моих убеждений.

Осознав свою крупную ошибку и раскаиваясь в своих проступках против трудящихся СССР, прошу о персональной амнистии и даровании мне прав гражданства СССР.

Одновременно с сим даю обещание не выступать как активно, так и пассивно против Советской власти и ее органов. Всецело способствовать строительству Советского Союза и о всех действиях, направленных к подрыву мощи Советского Союза, которые мне будут известны, сообщать соответствующим правительственным органам.

10 сентября 1930 г. Н. Скоблин».

Такую же подписку дала и Надежда Плевицкая. Их заявления были переправлены в Москву начальнику ИНО ОГПУ Артуру Христиановичу Артузову, который наложил на них следующую резолюцию: «Заведите на Скоблина агентурное личное и рабочее дело под псевдонимом “Фермер” и агентурным номером ЕЖ/13». Плевицкой был присвоен псевдоним «Фермерша».

21 января 1931 года в Берлине состоялась очередная встреча Николая Скоблина и Надежды Плевицкой с представителем Центра. Он объявил супругам, что ВЦИК персонально амнистировал их. В свою очередь генерал подчеркнул, что перелом произошел в нем еще шесть лет назад, когда у него наступило полное разочарование в идеалах Белого движения. У него не было только удобного случая перейти на сторону Советов.

После беседы с представителем Центра Скоблин и Плевицкая написали обязательства о сотрудничестве с советской разведкой следующего содержания:

«Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик о персональной амнистии и восстановлении в правах гражданства мне объявлено.

Настоящим обязуюсь до особого распоряжения хранить в секрете.

21/1—31. Берлин.

Б. генерал Н. Скоблин /

Н. Плевицкая-Скоблина.

ПОДПИСКА

Настоящим обязуюсь перед Рабоче-Крестьянской Красной армией Союза Советских Социалистических Республик выполнять все распоряжения связанных со мной представителей разведки Красной армии безотносительно территории. За невыполнение данного мною настоящего обязательства отвечаю по военным законам СССР.

21/1—31. Берлин.

Б. генерал Николай Владимирович Скоблин /

Надежда Васильевна Плевицкая-Скоблина».

В ходе беседы с представителем Центра перед Скоблиным была поставлена задача укреплять связи со всеми знакомыми ему деятелями РОВС и других белых организаций. Надежде Плевицкой поручалось своими выступлениями на благотворительных вечерах РОВС повышать авторитет свой и своего мужа.

После тщательной проверки Скоблина Центр сделал вывод о том, что «Фермер» – «добросовестный и талантливый агент».

Первоначально по соображениям конспирации связь «Фермеров» с советской разведкой осуществлялась по почтовому каналу на Вену. Центр сообщил в резидентуру, что считает вербовку генерала «ценным достижением в нашей работе». Относительно Плевицкой Центр писал:

«По докладу “Сильвестрова” она также дала согласие на сотрудничество. Однако мы считаем, что она может дать нам гораздо больше, чем одно “согласие”. Она может работать самостоятельно. Запросите, каковы ее связи и знакомства, где она возвращается, кого и что может освещать. Результаты сообщите. В зависимости от них будет решен вопрос о способах ее дальнейшего использования».

В 1930 году Кутепова на посту руководителя РОВС сменил генерал Миллер, ближайшим сотрудником которого стал Скоблин. С его помощью советская разведка была в курсе всех замыслов вооруженной эмиграции, мечтавшей об организации «крестового похода» против СССР.

В этой связи представляют интерес сведения относительно террористической деятельности РОВС, изложенные Леонидом Млечиным в одной из своих работ:

«Близкие к Кутепову люди, считавшие первоочередной задачей РОВС массовый террор внутри Советского Союза, были не очень довольны его преемником генералом Миллером. Его считали нерешительным и неинициативным, склонным к кабинетной работе и не способным руководить столь крупной организацией. Пожалуй, это было не совсем справедливо по отношению к Евгению Карловичу Миллеру: назначенный Колчаком в 1919 году командующим войсками Северной области, он продемонстрировал жесткую решительность в борьбе с Красной армией.

Сменив Кутепова, Миллер вовсе не отказался от террора. В секретных документах РОВС, которые становились известны советской разведке, подчеркивалась необходимость подготовки кадров для террористических групп, для ведения партизанской войны в тылу Красной армии в случае войны с СССР. Для эмигрантской молодежи Миллер создал в Белграде унтер-офицерские курсы.

Во Франции подготовкой диверсантов занималась организация “Белая идея” (Миллер сформировал ее в 1934 году). Она работала на “северном направлении”, то есть боевики РОВС переходили через финскую границу и растворялись в Ленинграде.

Подбором кадров для “Белой идеи” занимался капитан Ларионов. Этот человек импонировал эмигрантской молодежи. В 1927 году он участвовал в подготовке взрыва в ленинградском Деловом клубе. Репутация бесстрашного героя помогла ему отобрать в “Белую идею” двадцать молодых людей, способных к эффективной боевой работе.

Ларионов учил их стрелять, метанию гранат, изготовлению и закладке взрывчатки, умению ориентироваться, маскироваться. Они тренировались в разведывании объекта диверсии и отходе после взрыва. Ларионов занимался с ними языком: они должны были отвыкнуть от привычных “старорежимных” слов и обогатить свой словарный запас новой, послереволюционной лексикой».

В течение семи лет супруги добросовестно работали на советскую разведку. Разумеется, главная роль в этом разведывательном тандеме принадлежала Николаю Скоблину, который вскоре, по оценке ИНО ОГПУ, стал «одним из лучших источников разведки, который довольно четко информировал Центр о взаимоотношениях в руководящей верхушке РОВС, сообщал подробности о поездках ее руководителя Миллера в другие страны».

Скоблин возглавлял отдел РОВС по связям с периферийными органами и был осведомлен обо всем, что планировалось в кругах русской эмиграции, в том числе о совместных операциях с участием разведок Румынии, Польши, Болгарии и Финляндии.

Что касается роли самой Надежды Плевицкой, то ее гастроли по Европе, в которых певицу неизменно сопровождал Скоблин, позволяли ему инспектировать периферийные организации РОВС и передавать советской разведке интересующие ее сведения.

Через некоторое время Плевицкая также стала важным источником информации. Кроме того, она копировала секретные документы РОВС, которые Скоблин на несколько часов приносил домой, писала агентурные сообщения и выполняла роль связной.

О том, какое значение для советской разведки имел Николай Скоблин, свидетельствует содержание докладной записки, подготовленной в середине 1934 года куратором французского направления ее деятельности С.М. Шпигельгласом на имя начальника Иностранного отдела ОГПУ А.Х. Артузова:

«Завербованные нами “Фермер” и его жена “Фермерша” стали основными источниками информации. Человек материально независимый, отошедший одно время от основного ядра РОВС, “Фермер”, будучи завербован, занимает как командир одного из полков заметное положение среди генералитета и, пользуясь уважением и достаточным авторитетом, стал активно влиять как на общую политику РОВС, так и на проведение боевой работы.

Основные результаты работы “Фермера” сводятся к тому, что он:

во-первых, ликвидировал боевые дружины, создаваемые Шатиловым (бывший начальник штаба Врангеля генерал П.Н. Шатилов был вторым человеком в РОВС. – *Примеч. авт.*) и генералом Фоком (бывший командир артиллерии в Галлиполи генерал-майор А.В. Фок руководил террористической деятельностью РОВС, в частности, возглавлял школу по подготовке террористов. – *Примеч. авт.*) для заброски в СССР;

во-вторых, свел на нет зарождавшуюся у Туркула (бывший командир Дроздовской дивизии, генерал, ставший одним из руководителей РОВС. – *Примеч. авт.*) и Шатилова мысль об организации особого террористического ядра;

в-третьих, выяснил, кто из наших людей открыт французам, и разоблачил агента-provokатора, подсунутого нам французами, работавшими у нас 11 месяцев;

в-четвертых, донес о готовящемся Миллером, Драгомировым (генерал от инфантерии, один из руководящих деятелей РОВС. – *Примеч. авт.*), Харжевским (генерал Харжевский являлся почетным командиром Марковского полка. – *Примеч. авт.*) и Фоком убийстве Троцкого;

в-пятых, выдал организацию по подготовке убийства Литвинова (приезжал в Руайян летом 1933 года. – *Примеч. авт.*);

в-шестых, разоблачил работу РОВС из Румынии против СССР.

Исключительная осведомленность агента помогла нам выяснить не только эти шесть дел, но и получить ответы на целый ряд других, более мелких, но имеющих серьезное оперативное значение вопросов, а также быть совершенно в курсе работы РОВС.

Однако за последнее время мы трижды демонстрировали свою неожиданную осведомленность (два раза через прессу) и тем самым ставили всякий раз агента в чрезвычайно опасное положение, грозящее ему провалом.

Нужно в будущем наши решения об опубликовании полученных от “Фермера” сведений согласовывать всякий раз с тем сотрудником ИНО, который непосредственно связан с агентом, непосредственно следит за его работой и руководит им».

Только за первые четыре года сотрудничества с советской разведкой «Фермеров» на основании информации, полученной от них, ОГПУ арестовало 17 агентов, заброшенных РОВС в СССР, и установило 11 явочных квартир в Москве, Ленинграде и Закавказье.

К 1937 году генерал Миллер и другие руководители РОВС переориентировались в своей деятельности на нацистскую Германию, совместно с которой они рассчитывали вторгнуться на территорию СССР и возглавить оккупационный режим гитлеровцев. «РОВС должен обратить все свое внимание на Германию, – заявлял генерал Миллер. – Это единственная страна, объявившая борьбу с коммунизмом не на жизнь, а на смерть».

Центр принял решение похитить генерала Миллера для организации суда над ним в Москве. В случае исчезновения Миллера, по мнению Центра, заменить его на посту руководителя РОВС реально мог только Скоблин, что позволило бы советской разведке полностью контролировать деятельность этой террористической белогвардейской организации. Однако в это время руководителем внешней разведки органов госбезопасности был уже не Артузов, стояв-

ший у истоков данной операции, а Слуцкий, не имевший богатого оперативного опыта своего предшественника. По его распоряжению к операции по похищению Миллера был привлечен и Скоблин, что в конечном итоге привело к его компрометации.

Акция чекистов завершилась, казалось бы, благополучно: Миллер был похищен 22 сентября 1937 года и затем доставлен в Советский Союз. Однако перед тем как пойти на встречу, организованную Скоблиным, генерал Миллер оставил у себя на рабочем столе записку следующего содержания:

«У меня сегодня в 12.30 свидание с ген. Скоблиным на углу ул. Жасмен и Раффе. Он должен отвезти меня на свидание с германским офицером, военным атташе в балканских странах Штротманом и с Вернером, чиновником здешнего германского посольства.

Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устраивается по инициативе Скоблина. Возможно, что это ловушка, а поэтому на всякий случай оставляю эту записку.

22 сентября 1937 года.

Ген. – лейт. Миллер».

Поскольку генерал Миллер в штаб-квартиру РОВС не вернулся, вечером 22 сентября генерал Кусонский и заместитель Миллера адмирал Кедров вскрыли пакет с его запиской и вызвали к себе генерала Скоблина для объяснений. Скоблин поначалу отрицал факт своей встречи с Миллером, однако после того, как адмирал Кедров предъявил ему записку Миллера и предложил пройти в полицейский участок для дачи показаний, Скоблин понял, что все рухнуло. Под благовидным предлогом он вышел из помещения РОВС и исчез. Некоторое время он скрывался на конспиративной квартире советской разведки в Париже, а затем на самолете, специально закупленном для этого резидентурой, был переправлен в Барселону.

Что касается Надежды Плевицкой, то 24 сентября 1937 года она была арестована французской полицией. При ней нашли семь с половиной тысяч франков, полсотни долларов и полсотни фунтов стерлингов – немалые для эмигрантки деньги. На суде это стало главным доказательством ее вины.

Надежде Плевицкой было предъявлено обвинение в «соучастии в похищении генерала Миллера и насилии над ним», а также в шпионаже в пользу Советского Союза. Все предъявленные ей обвинения Надежда Плевицкая отрицала.

Французская полиция отработывала три версии похищения генерала Миллера: агентами ОГПУ, агентами гестапо или агентами генерала Франко. Защита пригласила в качестве свидетеля бывшего офицера Добровольческой армии Савина, который утверждал, что Миллер был похищен агентами генерала Франко, однако суд его показания в расчет не принял.

Следствие по делу Плевицкой продолжалось больше года. Суд состоялся в конце ноября 1938 года. А 14 декабря старшина присяжных огласил вердикт: Надежда Плевицкая была признана виновной по всем пунктам обвинения. Приговор суда был беспощадным: 20 лет каторжных работ и 10 лет запрета на проживание во Франции.

В это время председатель РОВС Евгений Карлович Миллер сидел во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке в Москве. А мужа певицы, Николая Скоблина, уже не было в живых. В конце 1937 года он погиб в Барселоне во время бомбардировки города франкистской авиацией.

Весной 1939 года Надежда Плевицкая была отправлена в Центральную тюрьму города Ренн. В конце июня 1940 года Ренн был оккупирован германскими войсками. Гестапо захватило архивы тюрьмы и установило принадлежность Плевицкой к советской разведке. Вскоре она тяжело заболела, возможно, не без помощи германских спецслужб, и 5 октября 1940 года скончалась.

26 июля 1939 года ее муж, Николай Владимирович Скоблин, также был признан французским правосудием виновным в похищении генерала Миллера и заочно приговорен к пожизненной каторге. Однако этот приговор остался лишь на бумаге.

Так трагически оборвалась жизнь двух замечательных помощников внешней разведки НКВД СССР, патриотов, страстно мечтавших возвратиться на Родину и посвятивших себя борьбе с ее врагами.

Следует подчеркнуть, что эти жертвы были не напрасны. Преемники генерала Миллера тщетно пытались сохранить Русский общевоинский союз, как активную организацию, но это им не удалось. Советская внешняя разведка накануне Второй мировой войны окончательно разложила и дезорганизовала РОВС и тем самым лишила Гитлера возможности активно использовать в войне против СССР более 20 тысяч членов этой организации.

Глава II

Связная «Кембриджской пятерки»

В начале октября 1966 года в городе Горьком хоронили пожилую одинокую женщину. Хоронили торжественно, с оркестром, почетным караулом и венками. На одном из них было написано: «Славному патриоту Родины от товарищей по работе». Когда тело было предано земле, над ее могилой прогремел салют почетного караула. Кладбище было малолюдным, и только немногие из его посетителей в этот час знали, что из жизни ушла отважная разведчица, работавшая в нелегальных условиях в предвоенные и военные годы в разных странах и сменившая на своем веку почти два десятка оперативных псевдонимов.

Лишь спустя тридцать лет широкой общественности стало известно настоящее имя разведчицы – Китти Харрис.

Китти родилась 24 мая 1899 года. Кроме нее в семье было еще семеро детей, трое из которых умерли в младенческом возрасте.

Родители Китти были выходцами из России, до переезда в 1905 году в Лондон проживали в городе Белостоке, что в Русской Польше, или в то время – в Привисленском крае. Отец Натан был сапожником, а мать Эстер – домохозяйкой, обремененной кучей ребятишек. С началом Первой русской революции они по настоянию Исаака, брата Натана, владельца небольшой обувной фабрики, отправились в Лондон. Путь из Гдыни на торгово-пассажирском пароходе «Санит» продолжался целых восемнадцать суток. Дядя Исаак встретил родственников в лондонском порту и привез к себе домой. То, что он называл фабрикой, на поверку оказалось обычной сапожной мастерской. Первое время они обосновались в его доме, и отец Китти помогал брату-сапожнику, обслуживая клиентов.

Однако и в Лондоне жизнь была не менее тяжелой, чем в Белостоке, поэтому в 1908 году, поддавшись на посулы зазывалы из Канады, родители Китти, которой в то время уже исполнилось восемь лет, решили переселиться за океан.

На пароходе они доплыли до Монреаля, где прошли таможенный досмотр. До Виннипега, где решили обосноваться, они добирались трое суток. Многочисленное семейство Харрисов заняло целых два купе. В Виннипеге их временно разместили в пустующем доме, а иммиграционные власти выдали семье кредит на приобретение жилья. Вскоре отец Китти открыл небольшую сапожную мастерскую, а его жена Эстер занялась скорняжным ремеслом. Детей они определили в школу.

Следует отметить, что в Канаде окружение Китти было интернациональным, поэтому с детских лет она владела несколькими языками. В семье Харрисов разговаривали на трех языках: русском, английском и идише. А рядом жили дети других эмигрантов – французы и немцы, с которыми ребятишки общались на их родных языках. Так что Китти с раннего детства сносно могла объясняться на пяти языках: английском, немецком, французском, русском и идише.

В школе Китти хорошо давались гуманитарные предметы. По истории, географии и литературе у нее были только отличные оценки. А вот математика и другие точные науки усваивались ею с трудом. После четырех лет учебы, в возрасте тринадцати лет, она была вынуждена расстаться со школой, начались ее «рабочие университеты».

Китти пошла работать на табачную фабрику ученицей. За смуглый цвет лица молодую работницу друзья прозвали «Джипси» – «Цыганочка». Годы спустя это прозвище станет одним из ее оперативных псевдонимов.

Рабочий день длился десять часов, а зарплата была мизерной, даже нищенской. Ее едва хватало на обед и ужин. Китти проработала на табачной фабрике пять лет. Ее здоровье стало слабеть, и она сменила профессию, решив стать портнихой. К тому времени ей исполнилось восемнадцать лет. Китти превратилась в стройную черноглазую красавицу, на которую заглядывались парни. Однако ее все больше увлекали идеи социализма. Китти с симпатией и восторгом встретила известие о победе Октябрьской революции в России, на земле ее родителей, где, по словам профсоюзных активистов, власть взяли в руки простые рабочие, такие, как она и ее друзья.

Октябрьская революция в России вызвала подъем рабочего движения на Западе, и Китти принимает в нем активное участие. Она становится профсоюзной активисткой, секретарем местного комитета.

В 1919 году Китти вступает в Коммунистическую партию Канады. Она получает задание выяснить истинное лицо профсоюзных боссов, тесно связанных с американской мафией и предающих интересы рабочего класса. Полученные ею сведения были преданы гласности рабочей газетой «Лейбор дейли» в день открытия съезда профсоюза. В результате руководство профсоюза подало в отставку.

После непродолжительного процветания, вызванного ростом военных заказов в период Первой мировой войны, в Канаде начался экономический спад. Жизнь в Виннипеге становилась все труднее, и Натан, отец Китти, легкий на подъем, решил вновь попытать счастья, на сей раз в соседних благополучных Соединенных Штатах Америки. На семейном совете было решено переехать в Чикаго.

В начале 1923 года семейство Харрисов продало дом и в полном составе переехало в Чикаго.

Следует отметить, что и на новом месте Китти принимает активное участие в профсоюзном движении. Ее избирают секретарем местного отделения профсоюза швейников, она участвует в качестве делегата в международном съезде профсоюзов в Монреале. Кстати, швеи традиционно считались в США одним из самых боевых отрядов пролетариата, их даже называли «бунтующими амазонками».

В те годы Чикаго был центром деятельности Коммунистической партии США. Китти принимает активное участие и партийной работе. Она отвечает за распространение партийной литературы среди членов профсоюзов. У девушки явно присутствовала организаторская жилка, поэтому она быстро обзавелась помощниками и сумела быстро наладить работу.

В 1924 году Китти познакомилась в Чикаго с партийным активистом – будущим секретарем Национального комитета компартии США Эрлом Браудером и в 1926 году стала его женой. По рекомендации Браудера Китти поступила на курсы стенографии, после окончания которых стала работать в представительстве МОПР – Международной организации помощи рабочим. Вскоре супруги переехали на жительство в Нью-Йорк. Муж Китти Эрл всецело отдавался партийной работе, много ездил по стране, выступал на митингах и собраниях.

В Нью-Йорк перебрались и остальные члены семьи Харрисов, которые так и не нашли своего счастья в Чикаго, несмотря на то, что в 1920-е годы этот город переживал экономический бум. Две сестры Китти вышли замуж, один из братьев женился. Отец ее часто болел, а мать ухаживала за ним.

В 1927 году Эрл Браудер по заданию Профинтерна был командирован в китайский город Шанхай для налаживания там профсоюзной работы и в качестве связного Тихоокеанского профсоюзного центра. Китти последовала за ним. Их путь в Шанхай пролегал через Москву, которую Китти мечтала увидеть с раннего детства. Они отбыли в Европу на торгово-пассажирском пароходе «Нордвик». Из Нью-Йорка он следовал в Лондон, а затем в Гамбург. Здесь молодые супруги сделали первую остановку. Они поселились в недорогой гостинице и стали

знакомиться с городом, который считался морскими воротами Германии. В Гамбурге Китти впервые наблюдала за сборищем нацистов, которые набирали все большую силу в Германии.

На следующий день супруги пересели на советский пароход «Комсомол», который доставил их в Ленинград. Город потряс Китти. После мрачного Лондона она жила в Виннипеге, Чикаго, Нью-Йорке. Это были торговые, деловые города, построенные рационально, без особых затей, с учетом коммерческих интересов. Они ни в какое сравнение не шли с красавцем Ленинградом. Супругов разместили в гостинице в солидном двухместном номере, а на следующий день организовали экскурсию в Эрмитаж, Детское Село, Петергоф.

Вечером Браудеры поездом «Красная стрела» выехали в Москву. В те времена советские поезда дальнего следования с их международными вагонами были одними из лучших в мире. Удобное и уютное купе также произвело на Китти сильное впечатление. Утром следующего дня поезд прибыл в Москву. Супруги разместились в прекрасном номере гостиницы «Савой». Эрл каждый день ездил в штаб-квартиру Профинтерна, словно на работу. Ему необходимо было получить инструкции, запастись литературой, ознакомиться с новостями с мест. Поскольку Китти была официально утверждена его помощницей, на некоторые встречи с руководящими работниками Профинтерна приглашалась и она.

Профинтерн в то время был «дочерним учреждением» Коминтерна. Перед Эрлом и Китти стояла задача по налаживанию профсоюзной работы в колониях и полуколониях, где рабочее движение находилось в зачаточном состоянии. Колонизаторы преследовали профсоюзных активистов, организовывали их убийства, зверски расправлялись с участниками забастовок под громкие рассуждения о «свободе предпринимательства» и «правах человека». Для раскола рабочего движения они использовали штрейкбрехеров и местных националистов, которые пытались расколоть профсоюзы по национальному признаку.

В Москве Эрл и Китти встретили десятую годовщину Великого Октября. Они получили гостевые билеты на Красную площадь. Здесь они наблюдали парад войск и праздничную демонстрацию советских трудящихся. Через несколько дней молодые профсоюзные активисты выехали в Китай международным вагоном по маршруту Москва – Чанчунь. Транссибирский экспресс отбыл из Москвы теплым ноябрьским днем, и Китти до самого вечера любовалась необъятными просторами нашей страны, золотом подмосковных лесов, тихими поселками и деревеньками, опустевшими полями.

На третий день пути, когда путешественники перевалили за Уральский хребет, все вокруг побелело от выпавшего снега. Путешествие до советско-китайской границы заняло шесть суток. На станции Маньчжурия они без труда прошли пограничный и таможенный контроль. Китти с опаской ожидала придинок со стороны китайских пограничников, поскольку они с Эрлом помимо личных вещей везли с собой два чемодана книг и брошюр. Однако, несмотря на пристрастное отношение китайских властей к путешественникам из Советской России, китайскую границу они преодолели также без особых хлопот: оказалось наличие у них американских паспортов.

В Чанчуне Эрл и Китти пересели в местный поезд, на котором доехали до порта Дайрен (Дальний). Оттуда морем добрались до Шанхая – главной цели своего путешествия. В порту их встретил представитель Профинтерна – высокий худощавый человек с явно некитайской внешностью. На отличном английском языке он назвался Джо Линьсином и пояснил, что его отец был американским моряком, а мать – китаянкой. Отсюда знание им английского языка.

Из шанхайского порта Линьсинь доставил путешественников в американский сеттльмент – европейский городской квартал, пользующийся правами экстерриториальности и охраняемый полицейскими – и разместил их в уютном двухэтажном доме, который до них занимал английский профессор.

В Китай Эрл и Китти прибыли с паспортами на имя супругов Харрисон и фактически находились там на нелегальном положении. Прикрытием для них являлась фирма, занимав-

шаяся снабжением морских судов необходимыми припасами, что позволяло им встречаться с людьми самых различных национальностей и профессий. Требовалось установить связь с профсоюзными лидерами в Гонконге, Сингапуре, Бангкоке, Батавии (ныне – столица Индонезии Джакарта), Маниле и других городах Тихоокеанского бассейна, а где не было профсоюзов – помочь их организовать.

В Китае уже семнадцать лет шла гражданская война. В конце декабря 1927 года гоминьдановское правительство закрыло консульские представительства СССР в Шанхае, Ханькоу и других городах, были арестованы их советские работники. Усилилась слежка за профсоюзными активистами. Связь с Москвой теперь могла осуществляться только через Харбин, где находилось советское дипломатическое представительство.

В один из дней Эрл поручил Китти выехать в Батавию и передать тамошним профсоюзным руководителям письмо Профинтерна и литературу. 20 декабря 1927 года она отбыла туда на торговом пароходе под видом скучающей американской туристки, путешествующей по экзотическим местам. Путь в столицу голландской Ост-Индии занял две недели. В Батавии Китти сняла номер в гостинице и на следующий день после тщательной проверки в городе установила по паролю связь с местным профсоюзным руководителем по имени Джхара, которому передала материалы из Москвы.

На следующий день Китти отбыла в Шанхай. Здесь она узнала, что Джхара был убит местными колониальными властями, успев, однако, перед смертью передать полученные документы в надежные руки.

Затем последовала новая поездка Китти, на этот раз в Гонконг, для встречи с представителями полулегального профсоюза портовых грузчиков. Приходилось ей выполнять и другие поручения Эрла.

В начале лета 1928 года Китти получила задание передать в советское генконсульство в Харбине отчет Эрла для Профинтерна. Ей предстояло пересечь почти весь Китай, охваченный гражданской войной. Одновременно, прикрываясь американским паспортом, она должна была помочь добраться до Харбина делегату предстоящего в Москве конгресса Коминтерна по имени Ван. Поезд, которым они следовали в Харбин, подвергся обстрелу японскими войсками. По пути чанкайшисты попытались мобилизовать Вана в свою армию, однако Китти, предъявив американский паспорт и выдав Вана за своего секретаря, сумела добиться его освобождения.

В Харбине Китти остановилась на явочной квартире. На следующий день она посетила советское генеральное консульство, где с ней встретился резидент ОГПУ Эрх Такке. Китти передала ему отчет Эрла для Профинтерна и рассказала об обстановке в Шанхае. Одновременно она сообщила о прибытии делегата конгресса Коминтерна Вана, которого все давно ждали. Через несколько дней Ван и другие члены китайской делегации были нелегально переправлены через границу и 17 июля 1928 года участвовали в открытии VI конгресса Коминтерна в Москве.

Через несколько дней Китти выехала в Шанхай, но Эрла дома не застала: он находился в Москве и тоже участвовал в работе конгресса Коминтерна. Только через месяц Эрл возвратился в Шанхай и объявил Китти, что, по всей вероятности, им предстоит вернуться в Нью-Йорк, поскольку внутри компартии США развернулась ожесточенная фракционная борьба. В начале февраля 1929 года они покинули Шанхай и через Москву выехали в Нью-Йорк.

В середине февраля 1929 года Китти и Эрл возвратились в США. В марте открывался очередной съезд американской компартии, и Эрл всецело занялся партийной работой, ведя упорную борьбу с правым уклоном в партийных рядах. Дальнейшая их семейная жизнь не задалась, и вскоре супруги расстались.

По приезде в США Китти получила возможность немного отдохнуть и провести время с семьей. Ее отец тяжело болел и медленно угасал. Да и у самой Китти хватало собственных забот. Ей пришлось подыскивать себе работу. Она устроилась в общественную организацию

«Американский негритянский рабочий конгресс», где проработала до марта 1931 года. Однако зарплата в общественной организации носила скорее символический характер, поэтому Китти решила переменить место работы.

Это было нелегким занятием. В связи с «великой депрессией», поразившей экономику США в 1929–1932 годах, в стране царил безработица. Число лиц, ищущих постоянный заработок, превысило 17 миллионов человек. В марте 1931 года по партийной рекомендации Китти была принята на работу в Амторг – советскую внешнеторговую организацию, одновременно исполнявшую консульские функции. Здесь она проработала в качестве секретаря до апреля 1932 года.

...30 января 1930 года в Москве состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП (б), посвященное работе советской внешней разведки и вопросам ее реорганизации. Такая повестка дня была вызвана серьезными провалами ИНО ОГПУ за рубежом в конце 1920-х годов. По предложению Артура Артузова упор в работе внешней разведки предполагалось делать на использовании нелегальных методов, сочетая их с деятельностью «легальных» резидентур. В этой работе центральное место отводилось Германии. Она должна была стать не только объектом разведывательного интереса, но и своеобразным зарубежным центром внешней разведки, откуда «легальные» и нелегальные резидентуры должны были вести работу по соседним странам и даже по США.

Весной 1931 года на работавшую в Амторге Китти Харрис обратила внимание советская внешняя разведка. Сотрудник нью-йоркской резидентуры Абрам Эйнгорн (оперативный псевдоним «Тарас»), знавший Харрис по Китаю, предложил ей работать связником и спецкурьером ИНО ОГПУ в Европе. Она ответила согласием. Китти был присвоен оперативный псевдоним «Джипси» (за время работы на советскую разведку ей пришлось менять оперативные псевдонимы более двадцати раз, но мы в своем повествовании ограничимся только им).

Жизнь разведчика-нелегала «Джипси» предстояло начать с Германии, откуда она должна была поддерживать связь с другими нелегалами и ценными агентами советской внешней разведки в различных европейских странах. В Берлине ей довелось работать с такими опытными разведчиками, как Борис Берман, Федор Парпаров, Василий Зарубин, Василий Роцин и другими сотрудниками нелегальной разведки ИНО ОГПУ. Обстановка в те годы в Германии была напряженной, в стране набирал силу фашизм. В этих сложных условиях, порой с риском для жизни, «Джипси» десятки раз пересекала границы сопредельных государств, перевозила ценную информацию и документы, секретную почту берлинской резидентуры.

Всего же за 16 лет сотрудничества с советской разведкой «Джипси» пришлось работать более чем с сорока оперативными сотрудниками и двадцатью четырьмя наиболее ценными источниками! Это был своего рода рекорд.

Но вернемся несколько назад.

15 апреля 1932 года «Джипси» уволилась из Амторга, а уже 25 апреля на трансатлантическом лайнере «Куин Мери» под видом американской туристки отбыла в Германию. Спустя некоторое время из германского порта Бременсхафен она добралась до Берлина.

В Берлин «Джипси» приехала за год до прихода Гитлера к власти. Здесь ей предстояло работать в нелегальной резидентуре ИНО ОГПУ.

Столица Германии в 1932 году напоминала растревоженный людской муравейник. Повсюду были видны молодчики в коричневых рубашках, множество людей в военной форме. Периодически между коммунистами и нацистами вспыхивали стычки. Полиция явно сочувствовала «наци».

«Джипси» устроилась в недорогой гостинице и в назначенный день, волнуясь, вышла на явку в табачный магазин. Только произнесла пароль и услышав отзыв, она успокоилась. Продавец проводил ее в заднюю комнату и попросил подождать. Вскоре появился худощавый человек, назвавшийся «Карлом». Он подробно расспросил «Джипси» о том, как она добралась и где

устроилась, рассказал об обстановке в стране. В качестве прикрытия нелегальной деятельности оперработник порекомендовал «Джипси» устроиться на учебу в Берлинский университет и подыскать недорогую квартиру в хорошем районе. Она должна понравиться хозяйке дома, завести знакомства с соседями, почтальоном, лавочником, – короче, со всеми лицами, которые могут потенциально быть осведомителями полиции, и произвести на них впечатление скромной девушки, всецело занятой учебой и не интересующейся политикой.

По работе «Джипси» предстояло нелегально перевозить документы в непроявленной пленке в различные страны. В случае опасности от пленки необходимо избавиться, предварительно засветив ее. «Карл» познакомил разведчицу с хозяйкой магазина Герди, с которой ей предстояло работать. С Герди они обсудили способ поддержания связи, в том числе условия вызова на экстренную встречу. Договорились встретиться через две недели. За это время «Джипси» должна была снять квартиру и устроиться в университет.

«Джипси» без труда решила обе задачи. В университете она старалась не демонстрировать свое знание немецкого языка. Впрочем, это оказалось не очень сложным делом, поскольку занятия выявили слабое знание ею немецкой грамматики. В назначенный день «Джипси» вновь встретила с «Карлом». Он передал ей небольшой пакетик, который можно было легко спрятать на дне дамской сумочки, и дал задание доставить его по условному адресу в Прагу. В столицу Чехословакии «Джипси» выехала по своему американскому паспорту и без труда прошла пограничный контроль.

В Праге разведчица, не заезжая в гостиницу, где на нее могли обратить внимание, направилась по указанному «Карлом» адресу и без труда нашла табачную лавку. Произнесла пароль и получив отзыв, она прошла в комнату за стойкой магазина, где через некоторое время появился высокий голубоглазый блондин, представившийся «Яношем». Ему она передала пакет с документами. «Джипси» еще несколько раз ездила в Прагу для встреч с «Яношем». Все проходило благополучно, их встречи и прогулки по городу выглядели естественными и не привлекали внимания посторонних. Однако однажды, передав «Яношу» почту, она по привычке проверилась и вдруг увидела, что ее преследует какой-то подозрительный тип. «Джипси» не растерялась. Зайдя в мясную лавку, она обратилась к мяснику с просьбой проводить ее через запасной выход, объяснив, что к ней, замужней женщине, пристаёт незнакомый мужчина. Хозяин проводил ее через проходной двор и объяснил, как найти дорогу.

Все обошлось благополучно, однако «Карл», которому «Джипси» рассказала эту историю, встревожился. «Яношу» было дано указание прекратить всякую работу и затаиться. Через некоторое время он выехал на работу в другую страну. «Джипси» тоже пришлось сменить маршрут поездок. Эти меры предосторожности диктовались условиями конспирации: «Джипси» перевозила в пленке документы, имевшие отношения к новейшим образцам вооружений, производимых на знаменитых военных заводах «Шкоды». Поскольку торговля оружием всегда была связана с большим риском, малейшая оплошность со стороны разведчиков могла привести к серьезным последствиям для разведки в целом.

Первая поездка «Джипси» в Париж состоялась в декабре 1932 года. Границу она миновала ночью, и таможенники ее не слишком беспокоили. Поезд прибыл в Страсбург в два часа ночи, и полусонный жандарм, войдя в купе, молча проштамповал паспорт разведчицы. Столица Франции встретила ее дождем и мокрым снегом. В назначенное время «Джипси» встретила с представителем парижской резидентуры ИНО ОГПУ, которому передала почту из Берлина. Через два дня она получила пакет для передачи в Берлин и возвратилась в германскую столицу.

В Берлине хозяйка дома, в котором «Джипси» снимала квартиру, «по секрету» рассказала ей, что на днях полиция интересовалась, на какие средства живут квартирующие у нее иностранные студенты. Хотя полицейский не называл имени «Джипси», она доложила об этом

резиденту. Было принято решение направить ее в США для организации перевода денег на ее имя от «богатых родственников» из-за океана.

В Нью-Йорке «Джипси» провела четыре дня: сходила на могилу отца, повидалась с семьей. Там же она сделала денежные переводы в Берлин и вскоре отправилась в обратный путь.

В Германии в тот период действовали две нелегальные и одна «легальная» резидентура, которая руководила их работой. Связь с Центром нелегалы поддерживали через связников, и поэтому «Джипси» приходилось выезжать в различные страны. Берлинская резидентура ИНО ОГПУ сумела наладить работу по добыче документальной информации о внешней и внутренней политике германского правительства, деятельности спецслужб, разведки, министерства иностранных дел. Эта информация, перевозимая «Джипси», высоко оценивалась в Центре.

Однажды в канун Рождества 1932 года «Джипси» по приглашению своего сокурсника англичанина Джона Смита, члена фашистской партии Англии, возглавляемой Мосли, попала на вечеринку нацистов. Один из них доверительно сообщил собравшимся, что крупнейшие германские промышленники и финансисты решили поддержать Гитлера на предстоящих выборах и что 19 ноября они вручили престарелому президенту Гинденбургу петицию, в которой потребовали передать всю полноту власти в стране фюреру нацистской партии. Нацист хвастливо заявил, что в начале 1933 года власть будет в руках Гитлера. О том, что говорилось на вечеринке, «Джипси» сообщила резиденту. Информация ушла в Центр и получила там высокую оценку. Дальнейшие события полностью подтвердили верность этих прогнозов.

Вскоре после Рождества «Джипси» вновь повезла почту в Париж. Эта поездка едва не закончилась для нее провалом. В Берлине, являвшимся в ту пору центром агентурной работы советской нелегальной разведки в Европе, было создано так называемое паспортное бюро, готовившее документы для разведчиков-нелегалов. На этот раз, отправляясь в поездку, «Джипси» использовала «липовый» американский паспорт, изготовленный специально для нее. В нем было указано, что она родилась в Чикаго, однако этот город ошибочно был отнесен к штату Индиана.

На этот раз пассажиров в поезде было мало, и молодой пограничник, с вежливой улыбкой попросивший молодую симпатичную американку предъявить паспорт, принялся внимательно его рассматривать. Наконец он сказал:

– У меня сегодня день рождения, мадам, поэтому я добрый. Возьмите свой фальшивый паспорт и отдайте тем людям, которые его вам продали. И пусть они вернут вам деньги. Чикаго, где вы якобы родились, находится в штате Иллинойс, а не в Индиане. Я вас во Францию не пропущу.

Не скрывая смущения, «Джипси» взяла паспорт и поспешила выйти из поезда. При себе она имела секретные материалы по научно-технической разведке и крупную сумму в американских долларах, предназначенных для парижской резидентуры. «Джипси» необходимо было попасть в Париж, и она решила преодолеть границу на автобусе. Такая попытка оказалась успешной: видимо, другой пограничник, проверявший паспорта, не был силен в географии. Задание было выполнено.

Обратно в Германию «Джипси» возвращалась не через Страсбург, а через Саарбрюккен. О случившемся она доложила резиденту, а тот в свою очередь проинформировал Центр. А в Центре потом долго выясняли, кто допустил такую грубую ошибку, едва не приведшую к серьезным последствиям. Вскоре «Джипси» получила новый паспорт, по которому совершала поездки во Францию. Изредка она использовала в этих целях и свой настоящий американский паспорт.

Предсказание молодого нациста, сделанное им на вечеринке в сочельник в канун 1933 года, сбылось. Ошибся он всего на один месяц. 30 января 1933 года рейхсканцлером Германии стал фюрер нацистов Гитлер. Над Германией опустилась ночь средневековья. В марте 1933 года

начались массовые преследования коммунистов и евреев. Социал-демократы, дружно голосовавшие в рейхстаге за запрет компартии Германии и лишение коммунистов депутатских мандатов, вскоре сами стали объектом преследования со стороны нацистов. В результате берлинская резидентура внешней разведки лишилась многих своих надежных источников. Ряду сотрудников «легальной» и нелегальных резидентур, в основном еврейской национальности, пришлось срочно покинуть Германию.

В мае 1933 года нелегальную резидентуру ожидала еще одна неприятность. Во Франции был арестован агент-нелегал «Янош», с которым «Джипси» встречалась в Праге. Существовала опасность того, что через «Яноша» спецслужбы могут выйти на «Джипси», поэтому по решению Центра она была отозвана в Москву. Здесь ее разместили в общежитии для иностранцев и вскоре предложили путевку в санаторий в Сочи. Через три месяца, убедившись, что арест «Яноша» не повлиял на работу нелегальной резидентуры в Германии, работник Центра вручил Китти новый паспорт, с которым она возвратилась в Берлин.

В декабре 1933 года резидентом нелегальной разведки в Берлине был назначен опытный разведчик-нелегал Василий Зарубин (оперативный псевдоним – «Бетти»). В Германии он работал вместе с женой, опытной разведчицей-нелегалом Елизаветой Зарубиной (оперативный псевдоним – «Эрна»).

Зарубин предпринял энергичные меры по перестройке нелегальной работы в Германии и обеспечению ее безопасности. Он восстановил связь с ответственным сотрудником «советского» отдела гестапо Вилли Леманом («Брайтенбах»). От последнего на регулярной основе поступала информация о предстоящих провокациях гестапо в отношении сотрудников советских представительств в стране. Благодаря этой информации советская разведка успешно избегала провалов в своей работе. Ценная информация поступала и от других источников резидентуры в МИД Германии, в промышленных корпорациях и в ряде иностранных посольств. Вся информация обрабатывалась на месте и фотографировалась. А затем «Джипси» должна была обеспечить ее бесперебойную доставку по назначению.

Приехав в Берлин и устроившись, «Джипси» вышла на старую явку – в знакомую ей табачную лавку. Здесь она встретилась со своим новым куратором «Эрной». Женщины быстро подружились, и их дружба продолжалась долгие годы. «Эрна» поставила перед «Джипси» задачу установить контакт с агентом «Наследство», являвшимся инженером на одной из крупных германских фирм. Он работал по линии научно-технической разведки и за материальное вознаграждение передавал резидентуре сведения о ее новейших технических разработках. Жена немца была в курсе его работы на советскую разведку и даже иногда сопровождала мужа на встречи с «Джипси».

Первая встреча с агентом состоялась в берлинском зоопарке Тиргартен. Уже издали «Джипси» увидела эту семейную пару. Присев к ним на скамейку и обменявшись паролями, она получила пакет с документальной информацией, который затем благополучно передала «Эрне». Встречи «Джипси» с «Наследством» стали регулярными. Все шло хорошо, но вдруг агент перестал выходить на явки. Встревоженный Центр попросил резидентуру выяснить его судьбу. «Джипси» посетила его и выяснила, что агент жив и здоров, в поле зрения гестапо не попадал. Свой разрыв с советской разведкой он объяснил тем, что на полученные за информацию деньги он купил себе загородный дом и после этого счел, что его материальные проблемы решены. По решению Центра «Джипси» встретила с женой источника в городе и убедила ее оказать влияние на мужа в плане продолжения сотрудничества с советской разведкой. В дальнейшем от немца были получены важная научно-техническая информация и другие секретные сведения.

С начала 1934 года «Джипси» вновь начинает регулярно выезжать в Париж. В первые годы правления нацистов пограничный режим в стране был несколько ослаблен. Объяснялось это тем, что нацистская Германия развернула тотальный шпионаж против своих соседей. Гит-

лер, например, заявил, что каждый немец должен быть разведчиком за границей и контрразведчиком в своей стране. Для облегчения поездок «фольксдойче» – этнических немцев, проживавших в других странах – и были введены послабления при пересечении границы. Кроме того, Гитлер стремился показать свои «достижения», в частности, отсутствие безработицы, достигнутое за счет нещадной милитаризации страны. Франция же, наоборот, столкнувшись с разгулом терроризма и растущей угрозой со стороны гитлеровской Германии, ужесточала пограничный режим, относясь с подозрением ко всем прибывающим из Третьего рейха.

У нелегального резидента в Берлине «Бетти» имелась надежная конспиративная квартира. Как-то раз ее хозяйка, проживавшая на ней с 16-летней дочерью, сообщила, что неожиданно появился ее брат, Эрих Такке, которого она не видела пятнадцать лет. Он сообщил, что хочет устроиться в Берлине надолго, снял меблированную комнату, интересовался старыми знакомыми. «Бетти» очень удивился. Он хорошо знал Эриха по совместной разведывательной работе в Маньчжурии. Было ему известно и то, что в Берлине Такке находился на нелегальной работе, а затем был отозван в Центр. Через несколько дней «Брайтенбах» сообщил «Бетти», что в гестапо поступило заявление от бывшего социал-демократа Мейсснера, который случайно встретил в Берлине Эриха Такке. Ранее они встречались в Москве, из которой он, видимо, прибыл.

Резиденту-нелегалу стало ясно, что над его другом нависла серьезная опасность. Он поручил «Джипси» связаться с Эрихом, которого она лично знала еще по работе в Китае и в Германии, и предупредить его об угрозе провала. Задание было успешно выполнено. Такке был временно укрыт на конспиративной квартире, а затем выехал в Москву. Готовившуюся провокацию гестапо удалось предотвратить.

Вскоре «Джипси» получила новое задание. Ей предстояло изучить некоего Штадтлера, попавшего в поле зрения нелегальной резидентуры. Он работал инженером на военном заводе, поэтому прямой контакт советских представителей с немцем был нежелательным. Было решено сделать его установку через частное детективное бюро, которое должна была посетить «Джипси». Она успешно справилась с заданием. Получив сведения от детектива о том, что Штадтлер на Масленицу будет присутствовать на карнавале, она познакомилась с ним и представила ему «своего двоюродного брата», сотрудника нелегальной разведки, который впоследствии завербовал немца.

В качестве связной берлинской резидентуры «Джипси» пришлось также выезжать в Данию и Швецию, где она по поручению Центра встречалась с ценными источниками. В Швеции, в частности, «Джипси» встречалась с опытным немцем-подпольщиком Эрнстом Вольвебером. В 1936 году, выехав в Данию, он создал там нелегальную организацию «Бернхард», в которую вошли около шестидесяти разведчиков-диверсантов. С началом Второй мировой войны его группа проводила диверсии на германском флоте. В результате были потоплены около 20 германских торговых судов, 3 итальянских, 2 японских и одно румынское. После оккупации Дании германскими войсками Вольвебер эмигрировал в Швецию.

В октябре 1935 года «Джипси» вызвали в Москву для прохождения курса специальной подготовки. Разместили ее в общежитии за городом. Вместе с ней на разведывательных курсах обучались французы, немцы, лица других национальностей.

Занималась «Джипси» по индивидуальной программе. Она добилась неплохих результатов в изучении русского языка и концу обучения сносно на нем говорила. Среди специальных дисциплин главными предметами для нее были фотодело и радиосвязь. Руководителем технической подготовки «Джипси» был Вильям Фишер, ставший широко известным в 1960-е годы под именем полковника Абеля.

В начале 1936 года Центр принял решение вновь направить «Джипси» на нелегальную работу. В апреле того же года она выехала в Париж в нелегальную резидентуру, которую возглавлял Теодор Малли. Вместе с другим разведчиком-нелегалом Дмитрием Быстролетовым

он провел, в частности, операцию по доставке из Рима в Москву ручного пулемета новейшей системы и ряда других образцов военной техники. «Джипси» участвовала в некоторых острых операциях совместно с Малли и Быстролетовым. Одновременно она являлась радисткой резидентуры.

Через несколько месяцев работы «Джипси» в парижской нелегальной резидентуре Теодор Малли был переведен из Парижа в Лондон. Вместе с ним на берега Темзы отправилась и разведчица, которая в качестве курьера резидентуры начала совершать регулярные поездки из Лондона в Париж и обратно.

К концу 1936 года в лондонской резидентуре появилась новая техника связи, которую «Джипси» не знала. По предложению Теодора Малли она выехала в Москву для повышения квалификации. Однако учеба ей давалась с трудом, освоение новой техники связи шло медленно, и карьера «Джипси» как радистки лондонской нелегальной резидентуры не состоялась. В то же время она основательно освоила новейшую технику фотографирования документов, а также оперативно-технические средства, предназначенные для маскировки документов и материалов при их перевозке.

«Джипси» возвратилась в Лондон, где продолжила разведывательную деятельность под руководством резидентов нелегальной разведки Теодора Малли, Григория Графпена и Арнольда Дейча. В Лондоне ей пришлось активно работать с одним из членов знаменитой «Кембриджской пятерки» Дональдом Маклейном. «Джипси» фактически выполняла роль руководителя этого разведчика, поставлявшего информацию в весьма большом объеме.

* * *

В начале 1930-х годов советская внешняя разведка приступила к осуществлению плана приобретения перспективной агентуры среди студентов высших учебных заведений западноевропейских стран в расчете на их внедрение в дальнейшем в интересовавшие Москву правительственные объекты и местные спецслужбы.

Начальник советской внешней разведки того периода Артур Артузов подчеркивал по этому поводу, что даже вербовка агентуры среди шифровальщиков внешнеполитических ведомств иностранных государств хотя и открывает путь к проникновению в их тайны, однако не позволяет оказывать непосредственное влияние на политику этих стран. Этого можно добиться лишь путем внедрения своей перспективной агентуры в руководящие государственные и политические круги.

Одной из первых решить эту задачу удалось нелегальной резидентуре НКВД в Англии, где выдающимся советским разведчиком-нелегалом Арнольдом Дейчем была сформирована агентурная группа, получившая впоследствии широкую известность как «Кембриджская пятерка». В нее вошли выпускники привилегированного Кембриджского университета Ким Филби, Дональд Маклейн, Гай Берджесс, Энтони Блант и Джон Кернкросс.

В истории спецслужб не существовало аналога «Кембриджской пятерки». Её деятельность считают высшим достижением не только советской, но и мировой разведывательной практики. В полную силу разведчики проявили себя уже к началу Великой Отечественной войны. Занимая, в силу своего происхождения и неординарных личных способностей, заметное положение в британском истеблишменте и вращаясь на протяжении многих лет в самых высоких руководящих сферах Англии, члены «Кембриджской пятерки» поставляли в Москву ценнейшую военно-политическую информацию. В годы войны они являлись для Лубянки самыми продуктивными источниками документальной информации. И не случайно бывший директор ЦРУ Аллен Даллес назвал «Кембриджскую пятерку» «самой сильной разведывательной группой времен Второй мировой войны». Его слова были недалеки от истины. Только за

1941–1945 годы от членов «Кембриджской пятерки» было получено более 18 тысяч секретных и совершенно секретных документов.

Безусловно, Ким Филби и его коллеги были людьми, имевшими большие заслуги перед своей страной – Великобританией. Но еще большие заслуги у них были перед Советским государством, которому они отдали свой талант, став советскими разведчиками в самые трудные для нашей Родины годы.

Судьба одного из членов «Кембриджской пятерки» – Дональда Маклейна – стала на долгие годы судьбой «Джипси».

* * *

5 мая 1913 года в семье видного политического деятеля Великобритании шотландского происхождения сэра Дональда Маклейна родился первый сын, которого при крещении назвали Дональд Дюарт. Отец мальчика был адвокатом, оставившим свою доходную практику, чтобы стать лидером «независимых либералов», членом парламента, вице-спикером палаты общин, а затем членом правительства Рамсея Дж. Макдональда – председателем Совета по национальному образованию. Мать Дональда-младшего леди Маклейн была дочерью мирового судьи, очень религиозным человеком, женщиной строгих моральных принципов.

Уже в школе Грешамз-скул, благодаря своим успехам в изучении иностранных языков, Дональд-младший получил право поступления стипендиатом в привилегированный Тринити-колледж Кембриджского университета. Его отец, хотя и являлся видной политической фигурой в стране, был небогатым человеком, и стипендия на обучение сына была совсем не лишней. Поступив в 18 лет в университет, Маклейн с головой окунулся в политическую деятельность. Он не пошел по стопам своего отца, свято верившего в то, что Библия и есть буквальное слово Божье, не примкнул ни к одной из традиционных партий Великобритании. Придерживаясь прогрессивных политических взглядов, Дональд вступает в Социалистическое общество студентов и вскоре приобретает известность «писателя и оратора».

Первые шаги в самостоятельной жизни Дональда совпали с «Великой депрессией» 1929–1932 годов и вызванным ею мировым экономическим кризисом. Англию потрясли забастовки рабочих, парализовавшие экономическую жизнь в стране. На континенте, в Германии, униженной системой Версальских договоров, бешеными темпами набирает силу фашизм. И только СССР на фоне кризиса старых политических концепций демонстрирует всему миру устойчивый и быстрый экономический и социальный рост.

В 1932 году умирает отец Дональда, и он открыто порывает с буржуазными традициями своей семьи, активно участвует в деятельности Компартии Великобритании, с увлечением изучает «Коммунистический манифест» Карла Маркса. В связи с приходом Гитлера к власти в Германии Маклейн приходит к выводу о том, что единственной надеждой спасения европейской цивилизации от угрозы нацизма является присоединение его страны к научному социальному эксперименту, осуществляемому в Советском Союзе, и их совместная борьба против «коричневой чумы». Он был убежден, что полный социализм сначала победит в Англии, а затем с ее помощью и в СССР.

Рассказы товарищей по партии, явившихся очевидцами и участниками уличных боев в Германии и Австрии с нацистами, производят на Маклейна громадное впечатление. Он приходит к выводу о том, что только идеи Ленина, реализуемые в СССР, способны объединить силы социализма, чтобы противостоять угрозе нацизма.

В Кембриджском университете возникает группа молодых студентов-коммунистов, выражающих желание принять участие в осуществлении коммунистического эксперимента в Советском Союзе. Дональд Маклейн, принадлежавший к этой группе, как-то в разговоре с матерью заявил, что считает своим долгом поехать в СССР, чтобы работать там учителем или

сельскохозяйственным рабочим в совхозе. Однако мать Дональда выбрала другую карьеру для своего сына. Она мечтала, чтобы ее старший отпрыск, проявивший блестящие способности в университете, стал дипломатом.

...Угроза новой мировой войны, ставшая реальной после прихода нацистов к власти в Германии, вызвала реорганизацию внешней разведки органов безопасности нашей страны. Возглавлявший ее ученик Ф. Держинского, выдающийся разведчик Артур Христианович Артузов предлагает главный упор в работе сделать на ведение разведки с нелегальных позиций. Он приходит к выводу о том, что проникнуть в высшие сферы правящей элиты в основных европейских странах и США традиционными методами разведки уже нельзя и надо делать ставку на внедрение в эти сферы перспективных агентов, являющихся выходцами из привилегированных классов и придерживающихся коммунистической идеологии.

В 1934 году Маклейн окончил факультет политической истории и филологии Кембриджского университета.

В том же 1934 году в Англии создается нелегальная резидентура во главе с опытным разведчиком Игнатием Рейфом. В качестве вербовщика ему оказывал помощь разведчик-нелегал Арнольд Дейч, находившийся в Англии под видом австрийского ученого-психолога. В Лондоне он вышел на группу прогрессивно настроенных студентов Кембриджа и Оксфорда и уже в июне 1934 года сумел привлечь к сотрудничеству с советской разведкой первого члена знаменитой впоследствии «Кембриджской пятерки» Кима Филби.

Делая ставку на приобретение перспективной агентуры из представителей правящей элиты Великобритании, Арнольд Дейч как опытный психолог отмечал четыре характерных особенности этой категории кандидатов на вербовку: присущее их классу недовольство положением вещей, склонность к скрытности, стремление к духовной близости с единомышленниками, детская жажда похвалы и одобрения. Эти особенности считались им необходимыми для того, чтобы привлекать молодых англичан-аристократов к сотрудничеству с советской разведкой.

В июле 1934 года Дейч дает задание Филби тщательно изучить своего друга Дональда Маклейна, который в оперативной переписке получает псевдоним «Вайзе» («Сирота») – явный намек на смерть его отца, последовавшую за два года до этого. Задание Филби предусматривало тщательно разобраться со связями Маклейна в интересующих разведку политических кругах Англии и выяснить, готов ли он отказаться от активной политической деятельности в пользу тайного сотрудничества с советской разведкой.

Выполняя задание Дейча, Филби как-то пригласил Дональда к себе домой. В ходе беседы он выяснил, что его друг намерен после окончания Кембриджского университета устроиться на работу в МИД Англии и, несмотря на это, оставаться активным коммунистом. В то же время оказалось, что пока Дональд не представляет себе, в чем будет заключаться его активная коммунистическая деятельность.

– Если ты будешь продавать среди дипломатов коммунистическую газету «Дейли уоркер», то не думаю, что долго там протренишься, – заметил Филби. – Но ты можешь вести там специальную работу.

Эти слова друга заинтересовали Дональда, который попросил пояснить, о какого рода работе идет речь. Филби в самых общих чертах пояснил, что Дональд может передавать советским друзьям полезную для СССР и Коминтерна информацию, почерпнутую из документов МИД Великобритании. Он заверил своего друга в том, что люди, с которыми он связан, «занимают очень важные посты и работают в очень серьезной организации». Дональд без колебаний согласился оказывать помощь Советскому Союзу, обещав держать в тайне это сотрудничество.

Эта беседа состоялась в середине августа 1934 года. Позже, касаясь работы по перспективной агентуре, лондонская нелегальная резидентура в одном из писем в Центр подчеркивала:

«Идея вступления в “тайное общество” была очень привлекательной для молодых людей, мечтавших о лучшем мире и героических подвигах. По складу ума и взглядам они очень напоминали молодых русских декабристов прошлого столетия и внесли в советскую разведку подлинный пыл неофитов и веру в идеалы».

Выдающийся советский разведчик Джордж Блейк, вспоминая о своем друге Дональде Маклейне, позже рассказывал:

«Решение Маклейна служить Советскому Союзу нельзя рассматривать иначе, как на фоне великой экономической депрессии 1930-х годов и нарастающей угрозы нацизма, исходившей главным образом от гитлеровской Германии. Он принадлежал к высшему английскому обществу, и его ожидала блестящая карьера в государственных учреждениях Британской империи. Однако он, как и его товарищи по “Кембриджской пятерке”, глубоко переживал вопиющее экономическое и социальное неравенство, которое видел вокруг себя. Они были своего рода “английскими декабристами” и верили, что только учение Ленина и дисциплина Коминтерна смогут избавить Англию от этих бед, мобилизовать силы социализма на борьбу с нацистскими штурмовиками».

В Центр было доложено об успешной вербовке Дональда Маклейна. Однако Лубянка не спешила санкционировать включение его в агентурную сеть. В ответной телеграмме говорилось: «От прямой связи воздержаться до проверки и выяснения его возможностей. Использовать пока его через “Зенхена” (псевдоним Кима Филби. – *Примеч. авт.*)».

Такое указание Центра диктовалось соображениями конспирации. Начальник внешней разведки Артузов опасался, что Маклейн не утратил связей с компартией и может попасть в поле зрения контрразведки в связи с предстоящим устройством на работу в МИД Великобритании.

В октябре 1934 года резидентура установила прямой контакт с Маклейном. В телеграмме в Центр резидент сообщал: «С “Вайзе” мы связались. Он совершенно прекратил свои связи с “земляками” (так в оперативной переписке именовались тогда коммунисты) и стал членом общества высших кругов. Его связи исключительны и, возможно, он получит хорошую должность».

Тем временем Маклейн готовился к экзаменам на государственную службу. Мать Дональда хлопотала перед коллегами покойного мужа о том, чтобы они оказали ему протекцию, необходимую для приема на работу в МИД. Она заручилась поддержкой лидера консерваторов и премьер-министра Великобритании Стенли Болдуина, который являлся другом семьи Маклейнов и написал рекомендательное письмо. Сам Дональд Маклейн успешно сдал экзамены, необходимые для поступления в МИД, и прошел соответствующие собеседования.

Понимая, что во время неформальной беседы в Форин оффисе неизбежно встанет вопрос о его принадлежности к компартии, резидентура отработала с Маклейном линию его поведения. Когда ему на самом деле был задан соответствующий вопрос, он ответил: «У меня действительно были такие взгляды, и я еще не вполне от них отделался». Искренность кандидата на работу в МИД Англии произвела благоприятное впечатление на членов комиссии, председатель которой Ричард Четфилд был другом отца агента. Комиссия рекомендовала кандидатуру Маклейна для зачисления в штат министерства.

Впрочем, «полноценным» агентом Маклейн стал после того, как Центр убедился в том, что он располагает интересующими Москву разведывательными возможностями. В октябре 1935 года Маклейн был принят на работу в МИД Великобритании, а в Москву была направлена фотокопия письма министра иностранных дел лорда Саймона, в котором тот официально извещает агента о том, что он зачислен в штат сотрудников Уайт-холла.

Давая характеристику «Вайзе», Арнольд Дейч писал в Центр:

«Вайзе» – другой человек, чем «Сынок». Он проще и увереннее. Он высокий, красивый парень (рост – 190 см) и производит приятное впечатление. Он это знает, но не злоупотребляет этим...

Он пришел к нам из честных убеждений: интеллектуальная бессодержательность и бесцельность жизни буржуазного класса, к которому он принадлежал, его оттолкнула.

Он много читал, умен, но не так глубок, как «Сынок». Он скромнен и с детства привык к скромному образу жизни, так как его отец хотя и был министром, но богатым человеком не был... Он сдержан и скрытен, редко показывает свой энтузиазм или восхищение.

«Вайзе» честолюбив и не любит, когда ему доказывают, что он допустил ошибку. Он смелый человек и готов все для нас сделать. Но ни он, ни «Сынок» пока не знают, для какой организации они работают. Мы лишь сказали им, что это для партии и Советского Союза».

Назначение Маклейна на должность 3-го секретаря Западного отдела МИД Великобритании открыло ему, и, следовательно, советской разведке, доступ к секретным документам и докладам, касающимся политики Англии в Нидерландах, Испании, Португалии и Швейцарии, а также к переписке, касающейся Лиги Наций. Вскоре, благодаря дружбе с одним из высокопоставленных сотрудников отдела, Маклейн стал информировать Лубянку о политике Лондона в отношении нашей страны. Его дружба со знакомым по Кембриджу Тони Рамболдом, сыном британского дипломата сэра Гораса Рамболда, открыла советской разведке доступ к информации об отношениях Великобритании с Францией, Германией и Бельгией.

В марте 1936 года резидентура сообщает в оперативном письме начальнику внешней разведки А. Слуцкому, сменившему на этом посту А. Артузова: «Истекшие несколько месяцев показали, что «Вайзе» пользуется свободным доступом ко всем документам, проходящим через его отдел. Обнаружилась весьма благоприятная обстановка для изъятия документов и их фотографирования».

Это был, несомненно, большой успех советской разведки. Однако вскоре Маклейн доказал, что способен на большее.

В связи с тем, что в те годы в британском МИД было весьма либеральное отношение к сохранности секретных документов, а его сотрудникам разрешалось брать их с собой на дом для работы, Маклейн начиная с января 1936 года стал тайно выносить материалы Форин оффиса, которые за ночь переснимал фотограф нелегальной резидентуры, а утром следующего дня они возвращались на место. Вскоре объем подлинных документов возрос настолько, что его куратор Дейч попросил агента по возможности выносить их в пятницу вечером, чтобы дать возможность фотографу поработать с ними в течение двух дней и вернуть их в понедельник утром.

Благодаря усилиям Маклейна, пользовавшегося полным доверием своих сослуживцев, на Лубянку хлынул такой поток совершенно секретной документальной информации, что Дейчу стало довольно трудно обслуживать агента и одновременно руководить нелегальной агентурной сетью в Лондоне.

В апреле 1936 года нелегальную резидентуру НКВД в Великобритании возглавил один из лучших нелегалов Центра Теодор Малли («Манн»). Что же касается Дейча, то он по-прежнему продолжал руководить кембриджской группой агентов. Одновременно он принимал самые активные меры к дальнейшему расширению нелегальной агентурной сети.

Работая с Маклейном, Дейч был поражен обилием важных материалов, поступающих от иностранца. 24 мая 1936 года он пишет в оперативном письме в Центр:

«Пришел вечером «Вайзе», принес огромную пачку докладов. Мы сняли только часть, так как у нас вышли пленки, а сегодня воскресенье, да еще ночь. Он хотел вынести бюллетень военной разведки – не удалось сегодня. На Троицу он должен остаться в городе, надеемся, что сможет принести больше, включая то, что он до сих пор не сумел еще принести».

Ставка Артузова на перспективную агентуру, внедряемую в важнейшие правительственные учреждения разведываемых стран, блестяще себя оправдала. Это было новое слово в разведывательном искусстве.

Когда пленки с копиями документов МИД Англии поступили в Центр, руководители подразделения, занимавшегося английским направлением, были крайне удивлены их ценностью. После ознакомления с полученными из Лондона материалами на имя начальника разведки была подготовлена служебная записка, в которой, в частности, отмечалось: «Есть основания считать, что мы наткнулись на линию английской военной разведки, действующей в ряде стран, в том числе в СССР. Документация, с которой мы только что познакомились, убедила нас в том, что мы вплотную подошли к одной из линий английской Интеллидженс сервис».

Дальнейшее получение дополнительной информации от Маклейна позволило советской контрразведке выйти на британского агента «Гибби», завербованного в 1933 году офицером МИ-6 Гарольдом Гибсоном в Наркомате иностранных дел.

Среди полученных от Маклейна материалов британской разведки были весьма ценные сведения о состоянии германских военных заводов с точными цифровыми данными о выпуске ими военной продукции, а также мобилизационные планы Германии, Италии и Франции. Агент передал также доклад английского «Комитета снабжения армии» о переводе британской промышленности на военные рельсы в случае угрозы войны. В приложении к документу содержался совершенно секретный доклад Британского имперского комитета обороны о подготовке к войне на Дальнем Востоке, а также германская «Директива о пересмотре и переработке планов ведения войны в Европе» на пятилетний период (1934–1939 годы).

Следует отметить, что доклад Британского имперского комитета обороны сыграл свою зловещую роль в том, что в предвоенный период «мюнхенская» Англия, опираясь на мнение Комитета начальников штабов, считавшего, что британские вооруженные силы без труда раздлаются с Гитлером, упорно отказывалась от всяческого сотрудничества с СССР в военно-политической области. Однако суровые реалии военной обстановки начала 1940-х годов развеяли розовые иллюзии лондонских военных, привыкших одерживать легкие победы над безоружными туземцами.

Секретные доклады высшему руководству Великобритании, поступавшие от Маклейна на Лубянку, поражали не только своим объемом, но и глобальным охватом важнейших политических и военных проблем современности и представляли огромную ценность для Кремля, поскольку позволяли советскому руководству быть в курсе политики основных империалистических государств того времени.

Огромный интерес для руководства внешней разведки органов госбезопасности представляли, в частности, документы британской службы дешифрования, получившей позднее название «Школа правительственной связи». Маклейн сумел предоставить своим кураторам доказательства того, что эта служба так и не сумела добиться каких-либо успехов по вскрытию советских шифров. В то же время он информировал Москву, что англичане читают шифрованную переписку Коминтерна, а также сумели взломать шифры американского, французского и германского внешнеполитических ведомств.

В частности, он сообщил, что служба Оливера Стрейчи с целью взлома советских шифров заручилась согласием британского депутата от консервативной партии инспирировать в парламенте дебаты по вопросу советско-британских отношений в надежде, что их текст будет дословно передан шифром в Москву. Однако предупрежденный разведкой нарком иностранных дел СССР дал указание послу в Лондоне И. Майскому направлять подобные материалы только в изложении, а полный текст высылать в непроявленной пленке. В результате из этой затеи Школы правительственной связи ничего не вышло.

Помимо огромного количества совершенно секретной политической информации Маклейн передал советской разведке сведения о структуре и руководящих кадрах британской

контрразведывательной службы МИ-5, которую в ту пору возглавлял Вернон Келл. Организованное резидентурой наружное наблюдение за Келлом позволило советской разведке установить и других старших сотрудников МИ-5. Однако основной целью, поставленной перед Маклейном, оставалось проникновение в британскую разведку МИ-6, или Сикрет интеллиженс сервис (СИС). 8 октября 1936 года ему удалось познакомиться с сотрудником МИ-6 Дэвидом Футманом, на которого в дальнейшем был выведен другой член «Кембриджской пятерки» – Гай Берджесс.

Однако в 1937 году на сотрудников советской внешней разведки обрушился вал необоснованных репрессий. Руководитель нелегальной резидентуры Теодор Малли был отозван в Москву и расстрелян. Выехал в Москву и куратор Маклейна Арнольд Дейч. Связь советской разведки с Маклейном была на некоторое время утрачена.

Почти шесть месяцев – до весны 1938 года – Маклейн и другие члены «Кембриджской пятерки» оставались без куратора, пока в апреле в Лондон не прибыл новый руководитель «легальной» резидентуры Григорий Графпен (оперативный псевдоним «Сэм»).

Для поддержания связи с Маклейном Центр направил в Лондон агента-связника нелегальной разведки «Джипси». Она установила с агентом контакт по паролю 10 апреля 1938 года.

В Белой книге британского Форин оффиса, изданной в начале 1950-х годов, говорилось: «Дональд Маклейн оказался исключительно способным работником и получил ранг советника уже в 35 лет, то есть продвигался по службе очень быстро. Он работал на ответственных дипломатических должностях в посольствах Англии во Франции, США и Египте. В 1950–1951 годах возглавлял американский отдел Форин оффиса».

В 1951 году в связи с угрозой провала Маклейн был выведен в нашу страну, получил советское гражданство и в дальнейшем проживал в Москве... Первое время являлся консультантом советской внешней разведки. Затем более 20 лет проработал старшим научным сотрудником в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, став авторитетным ученым-международником. Им было подготовлено несколько крупных научных работ по различным проблемам международных отношений. За монографию «Внешняя политика Англии после Суэца», опубликованную у нас в стране, а также в Англии и США, ему была присвоена ученая степень доктора исторических наук.

За большие заслуги перед Советским государством Маклейн был награжден орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени.

Дональд Дюарт Маклейн умер в Москве 6 марта 1983 года. В соответствии с завещанием его тело было кремировано, а урна с прахом помещена в фамильный склеп в Лондоне.

* * *

Но вернемся в конец 1930-х годов.

Итак, после дополнительной подготовки в Москве Центр направил Китти Харрис в качестве связной в нелегальную резидентуру в Лондоне. Ее руководителем стал разведчик-нелегал Арнольд Дейч. Прибыв в Лондон, Китти сняла в центре города благоустроенную квартиру и по его заданию стала встречаться с Дональдом Маклейном, который продолжал работать в министерстве иностранных дел Англии. Он приносил на квартиру к Китти объемистый портфель с секретными документами, и они вдвоем фотографировали их. Утром Дональд возвращал документы на место, а Китти встречалась с резидентом, которому передавала отснятые пленки с информацией.

Гай Берджесс, работавший в то время на Би-би-си, имел задание внедриться в британскую разведывательную службу МИ-6. По наводке Дональда Маклейна ему удалось познакомиться с офицером этой службы Футманом, который также был автором шпионских романов. Под предлогом работы над радиопередачей по его последней книге Берджесс встретился с Фут-

маном в гостинице «Лэнгем». Китти получила задание Дейча проследить за этой встречей, чтобы затем сопоставить ее выводы с отчетом Берджесса. В целом его рассказ о встрече полностью совпал с тем, что рассказала об этой встрече Китти. Берджессу удалось сблизиться с Футманом, и офицер МИ-6 помог ему стать сначала внештатным, а затем постоянным сотрудником британской разведки. Гай Берджесс, в свою очередь, способствовал приему туда Кима Филби.

Китти, получившая на этот раз новый оперативный псевдоним «Норма», продолжала активно работать с Маклейном. А Центр продолжал тщательно отслеживать все вопросы, связанные с безопасностью агента. Так, в одном из писем на имя нового резидента Графпена Москва подчеркивала:

«“Лирика” (новый псевдоним Д. Маклейна) надо беречь как зеницу ока. Он достоин того, чтобы в бюджете вашего времени занимать определенное и не последнее место».

Поток информации от Маклейна все возрастал. Помимо документов британского МИД он передавал и телеграммы СИС – британской разведывательной службы. Он него поступили сведения о том, что СИС перехватывает и расшифровывает телеграммы Коминтерна. Несмотря на предупреждения Маклейна, эти телеграммы продолжали поступать. В ответ на настойчивые напоминания резидентуры Центр телеграфировал, что приняты строгие меры, и британской разведке больше не удалось читать переписку Коминтерна.

В 1938 году советский теплоход «Комсомол», направлявшийся с грузом помощи республиканской Испании, был потоплен в Средиземном море франкистским военным кораблем. Судьба экипажа оставалась неизвестной. Центр поручил лондонской нелегальной резидентуре выяснить, что с ним произошло. Соответствующее задание было дано Маклейну и агенту «Нелли», которой поручалось выехать в Испанию. «Нелли» через своего мужа имела выход на британскую фашистскую партию, поэтому советская разведка использовала ее для выполнения разовых заданий только в крайних случаях. Дейч поручил Китти встретиться с «Нелли» и передать ей задание Центра.

Китти направилась по указанному адресу и позвонила в дверь квартиры. Неожиданно дверь открыл ее знакомый по Берлинскому университету Джон Смит, член британской фашистской партии. Он обрадовался встрече, видимо, приняв Китти за единомышленницу. Она объяснила, что в Лондоне находится проездом, а его адрес дали ей «общие друзья», намекая на несуществующие у нее связи с нацистами. Смит познакомил Китти со своей женой, которая действительно оказалась агентом советской разведки «Нелли». Когда Джон отлучился из комнаты, Китти объяснила ей задание Центра, и вскоре «Нелли» выехала в Испанию. Маклейну также удалось получить информацию о судьбе экипажа теплохода «Комсомол», которая вскоре была опубликована в советской прессе. Центр принял меры к тому, чтобы на его положении в МИД Англии эта публикация не отразилась.

Чтобы не вызывать подозрений окружающих, Китти и Дональд на людях разыгрывали из себя влюбленных. Даже хозяйка дома, в котором Китти снимала квартиру, одобрила наличие у нее «постоянного друга». Однако, как это нередко бывает в разведке, оперативная легенда стала реальностью – они всерьез полюбили друг друга. Этому способствовала не только их молодость, но и общая работа, связанная с каждодневным риском, забота о том, чтобы каждый из них не попал в поле зрения британских спецслужб. Об этом стало известно Центру, который благосклонно отнесся к этому «служебному роману», справедливо посчитав, что это только пойдет на пользу их общей работе.

В ходе одной из бесед Китти как-то проговорила Дональду, что его оперативный псевдоним в переписке с Центром – «Лирик», а она известна Центру как «Норма». Дональд решил подшутить над Китти и очередное письмо в Центр подписал своим псевдонимом. Центр, разумеется, не был в восторге от нарушения правил конспирации и отчитал обоих. Оперативные псевдонимы Китти и Дональда были изменены. Он стал «Стюартом», а она – «Адой».

В 1938 году Германия, поглотившая Австрию, стала активно готовить захват Чехословакии. Москву интересовала позиция Лондона по данной проблеме. В мае 1938 года Дональд Маклейн по заданию Форин офиса выехал в Прагу в составе оперативной группы британского МИД. Здесь он, работая в качестве шифровальщика, сумел заполучить и передать советской разведке телеграммы о всех действиях Лондона по подготовке «Мюнхенского сговора». Москве стало ясно, что Англия дает «зеленый свет» агрессии Гитлера на Восток. Сообщил он также и об организации британской разведывательной работы в Праге. Очень важным было его сообщение о безуспешных попытках британских криптоаналитиков раскрыть советские дипломатические шифры.

В конце мая Дональд возвратился в Лондон. Он привез Китти в качестве подарка кулон на золотой цепочке, на котором было выгравировано «К. от Д.». Встретившись с Китти на ее квартире, Дональд вручил ей этот подарок ко дню ее рождения, а вскоре из ресторана был доставлен роскошный ужин на двоих.

Через некоторое время Дональд получил назначение на должность третьего секретаря посольства Великобритании в Париже, что соответствовало принятой в МИД этой страны практике. Центр решил, что связь с ним в Париже будет поддерживать Китти. Их отъезд в столицу Франции планировался на октябрь 1938 года.

28 сентября, в один и тот же день, но разными путями, Дональд и Китти выехали в Париж. Историки окрестили этот день «черной средой», поскольку немецкие генералы-заговорщики, напуганные планами Гитлера захватить Чехословакию, намеревались отстранить его от власти. Однако, узнав о том, что Гитлер встречается в Мюнхене с Даладье и Чемберленом, которые согласились «выдать с головой» ему Чехословакию, заговорщики от своих планов отказались. Мюнхенская капитуляция Англии и Франции открыла дорогу Гитлеру к развязыванию Второй мировой войны.

На первых порах Китти не успела снять квартиру в Париже, поэтому ее встречи с Дональдом происходили в разных районах города, в основном в парках. По сравнению с Лондоном разведывательные возможности Дональда резко сократились, однако он подробно информировал Китти о содержании всех документов, поступающих в британское посольство по линии МИД. Особый интерес для Москвы представляла информация, касающаяся «Мюнхенского сговора» и дальнейших шагах Лондона и Парижа по сближению с Гитлером.

Вообще-то Англия и Франция с давних пор ревниво относились к действиям друг друга в отношении Германии. Когда в 1923 году Берлин отказался вносить репарации, Франция в ответ оккупировала демилитаризованную Рейнскую зону. Это вызвало резкую реакцию Лондона, который опасался усиления влияния Франции в этой стране. Когда же Англия и США стали усиленно предоставлять многомиллионные займы Германии на возрождение ее военной промышленности, это вызвало протесты со стороны Франции, не желавшей усиления военного могущества своей восточной соседки. Однако после заключения позорной мюнхенской сделки Лондон и Париж «слились в экстазе», пытаясь направить агрессию Гитлера на Восток. «Двести семей», правивших в то время во Франции и представлявшие крупный французский капитал, считали, что Гитлер лучше, чем «Народный фронт», победивший в Испании на выборах 1936 года.

Однако усилия «мюнхенцев» направить агрессию Гитлера против Советского Союза в конечном счете обернулись против них самих. 1 сентября 1939 года нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война. В Англии и Франции первоначально она получила название «странной войны», поскольку в ответ они объявили войну Германии, но не предпринимали никаких решительных действий. Покорив Польшу не без молчаливого согласия Англии и Франции, Гитлер внезапно изменил направление своего удара и весной 1940 года захватил Данию и Норвегию. В июне 1940 года пришел черед Бельгии и Франции, которая позорно капитулировала в Компьенском лесу 22 июня 1940 года. В том самом лесу, где 11

ноября 1918 года в 11 часов утра была подписана капитуляция Германии. Английский экспедиционный корпус был вынужден спешно эвакуироваться на Британские острова. Гитлер не мешал этой эвакуации. Во-первых, еще не был взят Париж, а германская армия только клином вышла к проливу Ламанш и ей еще предстояли трудные бои по покорению Франции. Во-вторых, он рассчитывал договориться с Лондоном о совместном походе против СССР.

В июне 1939 года Китти уехала отдыхать в город Антиб на юге Франции. Уезжая в отпуск, она рассчиталась с квартирной хозяйкой, надеясь по возвращении снять новую, более удобную квартиру. В Париж она возвратилась в середине августа. Однако связь резидентуры с ней и Маклейном была неожиданно утрачена: в Москве началась очередная волна репрессий в отношении сотрудников разведки, и поддерживавшие с ними постоянный контакт разведчики из парижской резидентуры были отозваны в Центр.

Это был критически важный момент для Советского Союза, подписавшего 23 августа 1939 года Договор о ненападении с Германией. 1 сентября Германия напала на Польшу. Началась Вторая мировая война. Китти не могла бездействовать и пошла на рискованный шаг: она явилась в советское посольство в Париже и встретила с сотрудником резидентуры. Связь была восстановлена.

Но «Аду» (так теперь Китти именовалась в оперативной переписке с Центром) подстерегала новая неприятность. В Центр поступила тревожная телеграмма из Вашингтона. В ней говорилось, что в октябре 1939 года в США вышла книга перебежчика Вальтера Кривицкого «Я был агентом Сталина», в которой примкнувший к троцкистам бывший руководящий работник ИНО ОГПУ упоминал имя Китти, с которой он встречался в Центре, как агента нелегальной разведки.

Кроме того, Центру стало известно, что в сентябре 1939 года комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, возглавляемая конгрессменом Дайсом, допросила бывшего члена бюро компартии США Гитлоу, исключенного из ее рядов как ренегата. Он заявил, что, по его данным, Китти Харрис была агентом Коминтерна, а затем стала работать на советскую разведку.

Снова возник вопрос о безопасности «Ады» и «Стюарта». Однако поскольку эти разоблачения не сказались на ее судьбе, работу с Китти было решено не прекращать. Этот риск полностью оправдал себя. Китти продолжала регулярно передавать от Маклейна важную информацию, в первую очередь касающуюся политики западноевропейских стран в условиях разразившейся мировой войны.

Между тем в личных отношениях Маклейна и Китти наметился разлад. Видимо, сказались и разница в возрасте разведчиков, которая составляла 14 лет. Дональд встретил 23-летнюю американскую студентку Сорбонны Мелинду Мэрлинг и полюбил ее. Китти болезненно переживала измену возлюбленного, однако продолжала работать с ним в качестве связной. Это сотрудничество длилось до мая 1940 года. Немцы были в нескольких десятках километров от Парижа, когда состоялась ее последняя встреча с Маклейном. Ни Дональд, ни Китти тогда не знали, что они больше никогда не увидят друг друга. Маклейн сообщил, что эвакуируется из Франции вместе с британским посольством. За два дня до падения Парижа, 8 июня 1940 года, Дональд Маклейн и Мелинда Мэрлинг официально оформили свой брак. Вскоре молодожены были эвакуированы вместе с персоналом британского посольства в Англию.

В случае оккупации Парижа немцами Китти, как подданная Канады, объявившей войну Германии, оставаться там не могла. Гитлеровцы бросили бы ее в концлагерь. Выехать в Англию для поддержания связи с Маклейном ей тоже не удалось.

Резидентура предприняла попытки эвакуировать Китти из Франции. На автомашине посольства ее отправили на юг страны, куда немцы еще не дошли. Китти удалось добраться до французского городка Брив, однако дальше пути не было, и она возвратилась в Париж. Китти поселили в советском посольстве, а через несколько дней Центр прислал из Москвы паспорт

для нее на имя жены советского дипломата. 19 июля 1940 года она выехала в Берлин, а уже через неделю была в Москве. Центр определил ее в резерв разведки. Китти занималась подготовкой молодых разведчиков, обучала их искусству конспирации, знакомила с особенностями немецкого разговорного языка.

22 июня 1941 года Германия напала на СССР. После речи Молотова, в которой он выразил уверенность в победе над врагом, Китти подала рапорт на имя начальника разведки Фитина с просьбой отправить ее на фронт. В рапорте она указала: «Я требую немедленного привлечения меня к активной работе. Я могу идти радисткой на фронт, могу шить гимнастерки солдатам, наконец, имея большой опыт нелегальной работы, не боюсь идти в тыл врага».

Ознакомившись с рапортом Китти Харрис, начальник разведки Фитин наложил на него следующую резолюцию: «Такими людьми, как “Ада”, разбрасываться нельзя. Это – золотой фонд советской разведки». Было принято решение отправить ее в резидентуру НКВД в Мехико в качестве связной. Разведчица должна была въехать в США, а оттуда сразу же отправиться в Мексику. Направлять ее в США на постоянную работу было признано нецелесообразным, так как Гитлоу назвал ее в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности как советскую разведчицу. 1 октября 1941 года Китти выехала скорым поездом во Владивосток. 22 октября на танкере «Донбасс» Китти отправилась в США. Танкер зашел в Петропавловск-Камчатский, куда доставил горючее, пересек бушующий Тихий океан и только 6 декабря, за день до нападения Японии на американскую военно-морскую базу в Пёрл-Харборе, бросил якорь в бухте Сан-Франциско. О благополучном прибытии Китти в США в Центр сообщил резидент в Сан-Франциско. Китти зарегистрировалась в отеле под именем Элеоноры Дрэвс, прибывшей из Чикаго, где прожила около полумесяца. После этого она перебралась в Лос-Анджелес, где проживала сначала в гостиницах, а затем на квартире, периодически выезжая в Нью-Йорк, где в качестве «легального» резидента находился Василий Зарубин. Она работала связной в группе агента-групповода Якова Голоса (оперативный псевдоним «Звук»). Его агентурная сеть насчитывала до двух десятков человек. Они были внедрены в германские объекты на территории США, ряд американских министерств, включая госдепартамент. Были среди них и лица, близкие к Белому дому, что позволяло советской разведке быть в курсе внешней и внутренней политики США.

В конце 1941 года резидент НКВД в Сан-Франциско получил задание из Москвы выйти на двух агентов «глубокого оседания», еврейских эмигрантов из Польши. Они разделяли коммунистическую идеологию и были близки к прогрессивно настроенным членам семьи видного ученого-атомщика, лауреата Нобелевской премии Роберта Оппенгеймера. Выполнить это задание поручалось Китти Харрис. Она успешно справилась с поручением Центра. В дальнейшем работу с этими источниками вела жена резидента Зарубина, оперативный сотрудник резидентуры «Эрна».

Однако в ноябре 1942 года Зарубин пришел к выводу, что дальнейшее пребывание Китти в США становится для нее опасным. Она продолжала поддерживать связь со своей семьей, периодически посещала своих сестер, встречалась со старыми друзьями по компартии США и профсоюзному движению. Получив телеграмму Зарубина, Центр принял решение переправить ее в Мексику в качестве связной резидентуры.

Следует отметить, что такое решение было своевременным. Положение Китти как разведчицы осложнялось тем, что Яков Голос, в нарушение правил конспирации, стал жить со своей связной Элизабет Бентли (оперативные псевдонимы «Умница» и «Мирна»). Благодаря этой связи она знала практически все о его агентурной сети. Знала она и о Китти Харрис. 25 ноября 1942 года «Звук» скончался от инфаркта на квартире Э. Бентли в Нью-Йорке. А несколько позже она, решив не отчитываться перед резидентурой о расходовании ею финансовых средств, добровольно выдала ФБР всех известных ей агентов советской внешней разведки.

Поездка Китти Харрис в Мексику была тщательно подготовлена Зарубиным. В мексиканскую столицу она отправилась в качестве туристки. Ей был подобран «родственник», который должен был переводить деньги на проживание. Китти было рекомендовано не торопиться с устройством на работу, так как это могло вызвать осложнения с иммиграционной комиссией. В Мехико она в очередной раз стала «студенткой», изучающей испанский язык для поступления в университет.

В мексиканской столице ее принял на связь Лев Василевский, с которым Китти работала в Париже. Они встретились как старые друзья. Китти было поручено поддерживать конспиративный контакт с ценным источником «Штурманом», с которым она познакомилась накануне своего отъезда из США. Он занимал видное политическое положение и был весьма информированным источником резидентуры.

«Штурман», располагавший довольно большим штатом сотрудников на своей фирме, предложил Китти поступить в нему на работу. В годы войны, особенно после Сталинградской битвы, престиж СССР в мире был как никогда высок. «Штурман», зная, что Китти является советской разведчицей, интересовался у нее положением в СССР. Он поддерживал также тесный контакт с советским послом в Мехико К. Уманским, был знаком и с резидентом Василевским.

25 января 1945 года Василевский был отозван в Москву в связи с завершением служебной командировки. По трагическому совпадению, в этот день погиб и посол СССР в Мексике Константин Уманский, вместе с женой и группой сотрудников посольства направлявшийся в Коста-Рику для вручения верительных грамот в качестве посланника СССР в этой стране по совместительству. Впоследствии советской разведкой было установлено, что они погибли от бомбы, заложенной в самолет польскими эмигрантами, недовольными «советизацией» их страны.

Поскольку Китти осталась единственной, кто знал «Штурмана» и поддерживал с ним связь, Центр предложил ей активизировать работу с источником. Китти успешно справилась с новым поручением. От источника поступала интересная и своевременная информация. Вообще, объем ее работы в мексиканской столице был довольно большим: курьер, шифровальщик, оперативный работник – все эти обязанности легли на ее плечи, ведь шла война, а нелегальная резидентура разведки в Мехико была малочисленной.

Трудные нелегальные условия и работа на износ сказались на состоянии здоровья Китти. В январе 1946 года она попадает в мексиканскую клинику с сильным нервным расстройством. В апреле того же года она вновь находится в госпитале, на этот раз в связи с болезнью сердца. Вопрос с отправкой Китти в СССР решился только 16 мая 1946 года, когда она и покидавший Мексику оперработник к семей прибыли на борт советского теплохода «Гоголь». 12 июля 1946 года Китти прибыла в Москву, где ее ожидали новые испытания.

В советской столице Китти тепло встретила Елизавета Зарубина, с которой они дружились еще в Германии. С Зарубиными она в дальнейшем часто встречалась. Китти с нетерпением ждала получения советского паспорта, поскольку советское гражданство было ей предоставлено еще в декабре 1937 года. Однако 11 октября 1946 года из ОВИР пришел ответ, что никаких сведений на этот счет в архивах МВД не имеется. Такой ответ был бюрократической отпиской, поскольку в МВД какой-то малограмотный чиновник проверил по картотеке Китти по фамилии Харрис, в то время как в довоенный период ее фамилию было принято писать по-русски «Гаррис». Это было большим ударом для Китти, и она направила в Президиум Верховного Совета СССР повторное ходатайство о предоставлении ей советского гражданства.

Пока длилась переписка по вопросу о восстановлении Китти Харрис в советском гражданстве, новый министр госбезопасности Абакумов, у которого были непростые отношения с внешней разведкой, дал указание о высылке из Москвы всех нежелательных иностранцев. 18 февраля 1947 года Китти с советским паспортом, но на чужое имя, прибывает в Ригу. Здесь ей

предоставили комнату в коммунальной квартире и устроили в один из институтов преподавателем английского языка. Положение ее было незавидным: бдительные абакумовцы рассматривали ее как подозрительную иностранку, а фашиствующие латышские националисты относились к ней как к убежденной советской патриотке.

16 мая 1947 года она получила выписку из протокола заседания Президиума Верховного Совета о принятии ее в советское гражданство. Но настоящего советского паспорта она в то время так и не получила. Положение Китти оставалось неопределенным, она чувствовала себя одинокой и никому не нужной. 7 апреля 1948 года Китти пишет письмо руководству внешней разведки:

«Мне очень трудно, так как я не оставлена в покое ни дома, ни в институте, и очень этим недовольна. Я не заслуживаю того, как обращаются со мной, все это подрывает мое здоровье. Я думаю, что кто-то допустил большую ошибку в отношении меня. Это все, что я хочу сказать. Хочу чувствовать себя членом партии».

Разведка, конечно, не забыла Китти. С ней регулярно встречались, давали путевки в санатории, но она рвалась к прежней активной работе. Однако направлять ее в заграникомандировку руководство Комитета информации (внешней разведки) признало нецелесообразным по соображениям конспирации: слишком долго Китти находилась за рубежом и была расшифрована. Ее бывший муж Эрл Браудер в годы войны стал ренегатом, что тоже учитывалось в Москве. Кроме того, в связи с предательством Э. Бентли и развернувшейся в США «охотой на ведьм» ее пребывание за границей становилось небезопасным.

Измученная отсутствием привычной деятельности и одиночеством, Китти стала просить разрешения вернуться к своей семье. Однако это было расценено как ее желание самовольно обратиться в американское посольство за получением разрешения на въезд в США. Хотя Китти никогда такого намерения не высказывала, руководство МГБ Латвийской ССР приняло решение изолировать ее «как социально опасного элемента». 29 октября 1951 года она была арестована. К сожалению, руководство внешней разведки, которое находилось в Москве, да к тому же к этому времени несколько раз сменилось, не выступило в ее защиту, так как не было информировано республиканскими органами о ее аресте. Никаких традиционных обвинений ей, разумеется, предъявить не смогли. Около двух лет Китти содержалась сначала в тюрьме, а затем в тюремной психиатрической больнице.

Освобождена она была в январе 1954 года. Китти предоставили хорошую и удобную квартиру в городе Горьком, интересную работу и достойную пенсию. А 17 марта того же года вручили советский паспорт. Ей разрешили переписку с сестрами в США, встречаться со старыми друзьями. Появились у нее и друзья среди местных жителей, среди которых был один из старых знакомых по Мексике.

6 октября 1966 года Китти Харрис, она же «Джипси», «Норма», «Ада», скончалась.

Она не скопила богатого наследства. После смерти разведчицы остались лишь книги: множество томов на русском и иностранных языках. А в отдельной шкатулке хранился небольшой золотой кулон на тонкой цепочке с надписью «К. от Д. 24.05.37». Этот подарок от любимого человека, с которым Китти работала в суровые предвоенные годы, она берегла всю жизнь.

Глава III

Семейная резидентура

Среди громких имен выдающихся сотрудников внешней разведки нашей страны видное место принадлежит разведчику Василию Михайловичу Зарубину. Работе за рубежом он отдал почти четверть века, в том числе тринадцать лет провел в нелегальных условиях. В ряде стран возглавлял «легальные» и нелегальные резидентуры.

Фамилия Зарубина, долгие годы выполнявшего ответственные задания Родины в суровых условиях подполья в зарубежных государствах, золотыми буквами вписана в историю отечественных спецслужб.

Во многих командировках с ним активно работала его жена и боевой товарищ Елизавета Юльевна.

В советской внешней разведке успешно работали многие женщины-разведчицы, долгие годы под чужим именем выполнявшие ее задания в суровых условиях подполья в зарубежных государствах. Имена Леонтины Коэн, Африки де Лас Эрас, Анны Филоненко, Ирины Алимовой и других героических разведчиц произносятся в разведке с огромным уважением. Особое место среди них занимает Елизавета Юльевна Зарубина, проработавшая в нелегальной разведке свыше двадцати лет. В ее послужном списке – десятки важных оперативных мероприятий, приобретение ценных источников и агентурных связей.

И сегодня мы хотим рассказать об этой супружеской паре, действовавшей активно за рубежом в составе «семейной резидентуры»

Василий Зарубин родился 4 февраля 1894 года в деревне Панино Бронницкого уезда Московской губернии в семье железнодорожника. Его отец, Михаил Терентьевич, был кондуктором товарного поезда станции Москва-Курская Нижегородской железной дороги. Он являлся членом РСДРП, до революции 1917 года высылался административно из Москвы, а во время Гражданской войны был командирован на Восточный фронт начальником головного технического поезда. Мать, Прасковья Абрамовна, работала поломойкой и прачкой. Кроме Василия в семье было еще 12 детей.

Уже с 1908 года начались «рабочие университеты» Василия. После окончания двухклассного училища при Московско-Курской железной дороге он был отдан «в люди» и стал работать мальчиком в торговой фирме купца Лыжина. Работая, Василий продолжал учиться и через несколько лет дослужился до конторщика.

С началом Первой мировой войны Зарубин был призван на фронт и воевал до 1917 года. Находясь в действующей армии, он вел антивоенную агитацию, за что был сдан в штрафную роту. В марте 1917 года получил ранение и был направлен на лечение в военный госпиталь в Воронеж. По возвращении в часть был избран в полковой комитет солдатских депутатов.

После победы Октябрьской революции 23-летний Василий Зарубин решительно встал на сторону победившего пролетариата и связал свою дальнейшую жизнь со службой в армии: в 1918–1920 годах воевал на различных фронтах Гражданской войны, а также боролся с бандитизмом в тылу Красной армии, вылавливая бандитов и диверсантов.

На молодого, способного красноармейца обратили внимание чекисты Особого отдела Южного фронта, и в 1920 году по их рекомендации он был направлен на работу в органы ВЧК. Здесь Василий продолжает борьбу с бандитами, проявляя оперативную смекалку, находчивость, умение самостоятельно действовать в сложной обстановке. В 1923 году руководство ГПУ при НКВД РСФСР приняло решение назначить его начальником экономического отдела

ГПУ во Владивостоке. Зарубину было поручено организовать борьбу с контрабандой наркотиков и оружия.

В те годы международные торговцы оружием и наркотиками направляли свои «товары» в Европу и Китай через Владивосток. Здесь они перегружали свой смертоносный груз и направляли его дальше по железной дороге как транзитный. Это позволяло им избегать строгого таможенного контроля, поскольку транзитные грузы не досматривались.

Подобные махинации международных торговцев оружием были вскрыты чекистами под руководством Зарубина. В 1924 году ими была конфискована большая партия оружия и боеприпасов, предназначавшаяся для враждовавших между собой китайских генералов.

В том же году по решению руководства контрразведки Зарубин из Владивостока был командирован в Китай для выполнения ответственного поручения, связанного с работой по белогвардейской эмиграции. В Китае он находился под прикрытием технического сотрудника советского генконсульства в Харбине. Задание было успешно выполнено, а на молодого чекиста, умеющего завязывать оперативные связи с иностранцами, обратило внимание руководство закордонной разведки органов госбезопасности. Тем более к тому времени он уже прилично владел французским, немецким и английским языками.

Уже в 1926 году Василий Зарубин был направлен руководителем «легальной» резидентуры в Финляндию, где скопилось большое количество белогвардейских эмигрантских организаций. Разведчик быстро освоился с обстановкой, и в Центр регулярно стала уходить секретная информация о планах белогвардейцев и их покровителей против нашей страны.

В 1927 году британские власти, используя в качестве предлога сфабрикованную белогвардейцем В. Орловым фальшивку – так называемое «письмо Зиновьева Коминтерну» (скандальная фальсификация – письмо от сентября 1924 года, якобы направленное тогдашним председателем Исполкома Коминтерна Зиновьевым в адрес ЦК Компартии Великобритании с установками о «провозглашении курса на вооруженную борьбу с британской буржуазией». – *Примеч. авт.*), разорвали дипломатические отношения с СССР. Руководство Иностранного отдела приняло решение сделать акцент на ведении разведки в европейском регионе с нелегальных позиций. В связи с этим Зарубин был отозван в Москву и сразу же направлен в Данию в качестве резидента нелегальной резидентуры.

Путь лежал через Стокгольм, где Василий должен был встретиться с работниками Центра и получить от них новые документы и инструкции. Встреча была назначена в ресторане, разведчики сидели и разговаривали о предстоящем обустройстве Василия. Вдруг Зарубин увидел, что к нему направляется улыбающийся человек, лицо которого показалось ему знакомым. Василий мгновенно вспомнил, что это бывший представитель германо-китайской фирмы Шумский, который в период его работы во Владивостоке пытался всучить ему взятку за провоз оружия через таможню.

Решение созрело мгновенно. Разведчик быстро встал и направился навстречу Шумскому, чтобы не дать ему разглядеть сотрудников Центра.

– Василий Михайлович, как я рад вас видеть! Как живете, как ваши жена и дочка? Вы что же, теперь по торговой линии работаете? Где вы остановились? В посольстве?

Зарубин ответил, что рад встрече, что теперь работает в Наркомате внешней торговли в Москве, а в Стокгольм прибыл для подписания контракта со знаменитой шведской фирмой по производству шарикоподшипников, и предложил Шумскому побеседовать после того, как закончит деловую встречу с коллегами.

Предупрежденные Василием сотрудники Центра через некоторое время ушли, предварительно договорившись, что один из них будет ждать его в машине у ресторана. Шумский сел за столик Зарубина и заказал вина. Разговор ограничился обменом любезностями. Оперработнику удалось отделаться от назойливого собеседника, предложив ему встретиться на следующий день, чтобы вместе пообедать. Случайная встреча вроде бы закончилась для него благо-

получно, однако молодому нелегалу пришлось сократить свое пребывание в Швеции и срочно выехать в Данию, чтобы не «засветиться».

Возвратившись через год в Москву, Зарубин становится особоуполномоченным Закордонной части ИНО ОГПУ СССР. Именно в это время состоялось его знакомство с Лизой Горской, сотрудницей советской нелегальной разведки, на которой он женился в 1928 году.

* * *

Елизавета Юльевна Зарубина (в девичестве – Розенцвейг) родилась 1 января 1900 года в селе Ржавенцы Хотинского уезда Северной Буковины, которая в то время была частью Австро-Венгрии, затем отошла к Румынии, а сегодня входит в состав Черновицкой области Украины. Ее отец, Юлий Розенцвейг, был арендатором и управляющим лесным хозяйством в крупном имении. Владелец имения, польский помещик Гаевский, в основном проводил время в игорных домах и клубах Бухареста, Будапешта и Вены. Всеми делами имения ведал отец Лизы. Образованный и начитанный, он любил русскую литературу и сумел привить любовь к России своим детям.

Юность Лизы совпала с годами Первой мировой войны. Когда в Петрограде победила революция, ей было семнадцать лет и она уже училась в Черновицком университете на историко-филологическом факультете. Прочувшись более трех лет в этом университете, Лиза стала уговаривать отца отправить ее в Париж. Поскольку к тому времени Первая мировая война уже закончилась, а в Восточной Европе обстановка становилась нестабильной из-за назревавших революционных событий, отец согласился на ее перевод в Сорбоннский университет. Но в Сорбонне Лиза проучилась всего один год: к тому времени она, как и многие ее сверстники, уже бесповоротно выбрала путь революционной борьбы и стремилась быть в гуще, как она считала, исторических событий. Лиза перебирается ближе к родному дому, в Вену, и становится студенткой Венского университета, уже третьего в своей жизни. В июне 1924 года она завершила учебу и стала дипломированным переводчиком с немецкого, французского и английского языков. Кроме того, девушка свободно владела идиш, румынским и русским языками, на которых разговаривали в семье.

Еще в 1919 году, когда Буковина вошла в состав Румынии, Лиза активно включилась в революционную борьбу. Этому в определенной мере способствовала ее двоюродная сестра, известная румынская революционерка Анна Паукер, которая привлекла к подпольной борьбе не только Елизавету, но и ее брата. В 1919 году Анна Паукер организовала подпольные молодежные отряды, боровшиеся за социалистическую Румынию. Лиза по заданию Анны писала и распространяла революционные листовки, проводила беседы в рабочих кружках, исполняла обязанности связной. Ее брат вступил в отряд боевиков коммунистического подполья, участвовал в вооруженных стычках с полицией, неоднократно арестовывался и дважды бежал прямо из зала суда. В 1922 году он был убит в перестрелке с сигуранцей. После Второй мировой войны Анна Паукер стала членом политбюро Румынской рабочей партии и министром иностранных дел. Но в результате жесткой внутрипартийной борьбы в конце сороковых годов погибла по ложному навету.

Насыщенная политическая жизнь превратила юную Лизу Розенцвейг в стойкую революционерку. В июне 1923 года она вступает в коммунистическую партию Австрии и получает партийный псевдоним «Анна Дейч». После окончания университета в 1924 году будущая разведчица, в семье которой страстно любили Россию и все русское, поступает на работу в советское дипломатическое представительство в Вене в качестве переводчика. Революционная биография Лизы, ее искренние симпатии к Советскому Союзу, а также отличное знание многих иностранных языков привлекли внимание к ней представителей Иностранного отдела ОГПУ, работавших под прикрытием советского полпредства.

В этот период Лиза вышла замуж за румынского коммуниста Василя Спиру и некоторое время носила его настоящую фамилию – Гутшнекер. Правда, отношения их не сложились, и брак оказался недолгим.

На первых порах представители ИНО ОГПУ дают Лизе несколько несложных поручений. Ее тщательно проверяют, а затем, убедившись в честности, надежности, хладнокровии и недюжинных разведывательных способностях, в марте 1925 года принимают на работу в разведку. Вскоре Елизавета получает советское гражданство и из австрийской компартии переходит в ВКП (б).

Начинающая разведчица получает свой первый оперативный псевдоним – «Эрна». Первое время она работает в Австрии, являясь сотрудницей резидентуры ИНО в Вене. Для выполнения специальных заданий выезжает в Турцию и во Францию, причем в последней работает с нелегальных позиций. В период работы в Вене «Эрне» удалось привлечь к сотрудничеству ряд важных источников информации.

В феврале 1928 года разведчица впервые приехала в Москву. Под фамилией Горская ее зачислили в кадровый состав Иностранного отдела. Рекомендовал ее для работы во внешней разведке один из руководителей ИНО ОГПУ Иван Васильевич Запорожец. В том же году Лиза Горская вышла замуж за уже известного в то время разведчика Василия Зарубина. До брака с Лизой Василий Михайлович уже был женат и у него росла дочь Зоя.

Впоследствии Зоя Васильевна Зарубина в одной из своих книг писала:

«Вообще отец был очень добрый человек и до глубины души русский. Я не могу не сказать о нашей замечательной Лизочке. Язык у меня не поворачивается назвать ее мачехой. Это была не просто любящая жена, а добрый, чудесный человек. И вот это был образец нормальной, хорошей семьи. С одной стороны – русская часть, много родственников. С другой стороны – еврейская часть, тоже много родственников. И все жили очень дружно».

После брака Василия и Лизы руководство разведки принимает решение направить чету Зарубиных на нелегальную работу с перспективой их использования по Франции. Такое решение было вызвано тем, что Англия, как мы уже отмечали, в 1927 году под надуманным предлогом разорвала дипломатические отношения с СССР, готовилась последовать этому примеру и Франция. Подобная ситуация резко снижала возможности работы «легальных» резидентур советской разведки, действовавших под прикрытием официальных дипломатических представительств страны. А обстановка в Европе накалялась. Белогвардейская эмиграция стала открыто говорить об организации нового «крестового похода» против Советского Союза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.